

АГЕНТ

ЧИСТОДЕЛ

ТРИЛЛЕР, НАПИСАННЫЙ ВОЕННЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Александр
ШУВАЛОВ

Александр Шувалов
Чистодел
Серия «Агент ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24136897
Чистодел / Александр Шувалов: «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-89237-2

Аннотация

Агенту ГРУ Зотову по прозвищу Чистодел поручено найти электронный носитель, на котором злоумышленники, совершившие финансовую аферу государственного масштаба, хранят ценную информацию. Дело усложняется тем, что в число мошенников входят министр и вице-премьер, а у них, как известно, возможности практически безграничны. Выполняя задание, Зотов буквально балансирует между жизнью и смертью, использует все свои навыки и старые связи. Он и не подозревает, что в это же самое время в шайке преступников уже назревает раскол.

Содержание

Конец истории, рассказанный в самом ее начале	4
Куплет первый	8
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	42
Куплет второй	52
Глава 7	57
Глава 8	61
Глава 9	67
Глава 10	71
Глава 11	75
Глава 12	81
Куплет третий	90
Глава 13	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

АГЕНТ
ГРУ

Александр Шувалов Чистодел

**Конец истории, рассказанный
в самом ее начале**

Донбасс, весна 2014

Славянск еще держался, Стрелка пока не слили.

– Господи, хорошо-то как!

Группа сходилa куда сказали, нормально сработала и через двое суток без потерь вернулась на базу. Командир пошел докладывать о результатах начальству, а для остальных

бойцов наступила приятная расслабуха. Они обмылись холодной водой из колонки, поели каши с армейской тушенкой, необычайно вкусной с голодухи. Сразу спать не легли, а по традиции чинно расселись у огня и принялись неторопливо гонять чай.

Все было здорово, пока один тип с позывным Слезы не затянул привычное. Мол, чай-то из пакетиков полный отстой, каша слишком жирная, порции маленькие. И вообще...

– И вообще воняет от нас, как от бомжей! – Он прозрачно намекнул, что не имеет ничего против ванны с горячей водой с добавлением ванильной пенки и обязательно специальной соли.

– Успокойся, Слезы, – негромко проговорил невзрачный жилистый мужик средних лет, получивший позывной Ботаник исключительно за то, что именно ее, родимую, почти двадцать лет преподавал в одной из школ Краматорска.

– А что такое?..

– Закрой рот! – В голосе заместителя командира группы зазвучали стальные нотки. – Или забыл, что сказал шеф?

Ответом ему была тишина. Тип с позывным Слезы прекрасно помнил, что командир группы обещал непременно расстаться с ним, если не прекратится это нытье, забодавшее абсолютно всех.

Глубокочтимые леди, джентльмены и пенсионеры с дошкольниками, война, чтоб вы знали, дает людям имена с ничуть не меньшей меткостью, нежели тюрьма. Она оценивает

каждого с точностью до миллиграмма. Дело в том, что любой человек здесь на виду все двадцать восемь часов в сутки. Очень скоро всем вокруг становится понятно, что он из себя представляет.

Именно поэтому бывший учитель ботаники, спокойный, толковый и надежный мужик, был здесь в серьезном авторитете, а отставной вояка из аэромобильной бригады ходил у него в подчинении. И звали его здесь не Капитан, как он скромненько намекнул по приезду, а просто Слезы, сокращенно от «слезы еврейского народа», за вечное нытье, выступления не по делу и прочее разное.

– Вот-вот, не порти вечер, – буркнул коротышка с черной бородой почти до пупа.

Это были первые и последние слова, произнесенные им за день. Бородач, позывной Артек, лучший подрывник в радиусе тысячи километров, прислонился спиной к стволу акации и закрыл глаза.

– А не осталось ли у нас чего-нибудь пожевать?

Никто и не заметил, как у костра появился новый персонаж. Командир группы, он же Каспер. Прозван так за умение внезапно исчезать и неожиданно появляться. Среднего роста, простоватый с виду, совсем не то что брутальный красавец Слезы. Чем-то отдаленно похожий на Ботаника, только лет на десять моложе. Разное о нем говорили, в том числе и то, что успел на славу потрудиться в Крыму в компании с самим Стрелком.

Он лихо смолотил миску каши и, кляня носом над кружкой с чаем, принялся вполуха слушать доклад помощника по тылу, пятидесятилетнего пузатого живчика с позывным Старшина, бывшего главного снабженца геологического управления.

– Насчет консервов я договорился, матрасы завтра подвезут, – негромко журчал тот в ухо начальнику. – С обувью пока никак, но на следующей неделе обязательно...

– Ага, – сквозь дрему проговорил Каспер. – Хорошо.

– Баня послезавтра, если вас опять никуда не угонят. С паром, как положено. Я даже веники организовал.

– Молодца.

– И мыла достал, детского. С чередой и этим, как его, чистотелом.

Каспер, сидящий рядом с ним, вдруг вздрогнул.

– Что ты сказал?

– Мыло с чередой и чистотелом. Целая коробка! – проговорил Старшина. – Что с тобой, командир?

– Ничего, – опять проваливаясь в дрему, пробормотал тот. – Забей.

Куплет первый И Родина щедро

Москва, середина марта 2012 года

Ранним утром в кафе умеренной паскудности, что возле станции метро «Бунинская аллея», наплыва посетителей не наблюдалось. Как и всегда в это время. Бомжей сюда греться не пускали, приличные посетители обходили этот гадюшник стороной, а крутые и успешные бизнесмены с Кавказа обычно заваливались в заведение ближе к обеду и красиво зависали до утра.

Но все-таки совсем уж пустым зал не был. Часов в десять сюда заглянули двое мужчин средних лет. Они не испугались гламура, царящего вокруг, все-таки вошли и устроились за условно чистым столом в углу, чем несказанно удивили официантку, мирно дремавшую возле стойки бара.

Девушка поправила прическу так, чтобы прядь темно-каштановых волос закрывала свежий синяк под глазом, и подплыла, сексуально двигая бедрами.

– Что будем пить, мальчики? – Она кокетливо улыбнулась, обнажив желтые прокуренные зубы и резцы из нержавеющей стали, и замерла в надежде.

Если бы эти «мальчуганы» страдали от голода и жажды после вчерашнего, то их ждал бы приятный сюрприз в виде паленой водочки, оливье третьей свежести и чудной шаурмы из кошки Мурки на закуску.

– Эспрессо без сахара, – потребовал широченный, как шкаф, ухоженный и слишком дорого для этих мест прикинутый мужчина.

Он встал, снял легкую шубейку из высветленного соболя, аккуратно сложил ее, с опаской устроил на свободный стул и добавил:

– И покрепче.

– Чай, – негромко проговорил второй, щупловатый с виду, скромно одетый, в очках, с потертым портфелем под кожу на коленях.

Он даже не стал уточнять, какой конкретно: черный, зеленый или темно-синий в крапинку.

– Это все? – удивилась и одновременно расстроилась красавица.

– Шагай! – распорядился здоровяк, дождался, пока официантка отойдет, и осведомился: – Так вы сказали, что сможете его найти?

– Да.

– А если он уже мертв?

– Предъявлю тело.

– Вы в курсе, что никто из наших людей его даже как следует не разглядел? – Дядечка пододвинулся поближе и на-

вис глыбой над своим гораздо менее габаритным собеседником. – А тот мужик, который мог его опознать, тоже куда-то пропал.

– Да, – опять односложно ответил очкарик.

Здоровяк сделал первый крошечный глоток из чашки. Он же оказался и последним, потому что этот гурман не обнаружил в принесенном ему эспрессо и намека на кофе.

Он брезгливо отставил подальше емкость сомнительной чистоты и проговорил:

– А вам не кажется, дорогой мой, что вы несколько самоуверенны?

– Нет. – Человек в очках и с портфелем даже не притронулся к кружке, из которой торчал хвостик заварного паке-тика.

– Ведь прошло уже больше года, – не унимался здоро-вяк. – Все следы стерлись.

– Следы не стираются. – Очкарик закурил и стряхнул пепел в розеточку из фольги. – Никогда.

– Если бы мне не посоветовали обратиться к вам очень серьезные люди, то я подумал бы, что вы просто хотите развести меня на аванс. – Дядечка достал из замшевого кисета трубку, самую настоящую В&В, щелкнул специальной изогнутой зажигалкой.

В полутемном зале приятно запахло богатством и успехом.

Девушка у стойки опять проснулась, принюхалась и ти-

хонько вздохнула.

– Успокойтесь, – сказал очкарик и тускло улыбнулся. – Я никогда не требую у клиентов аванс, только деньги на текущие расходы.

– С «девяткой»¹ проблем не будет, – веско проговорил здоровяк и принялся досыпать табак в трубку. – Объясните только, где же вы собираетесь его искать.

– Там, где он прячется.

Десятью минутами позже.

Обрывок разговора непонятно кого неизвестно с кем

– Я беспокоюсь, поймите.

– Не стоит, встреча прошла вполне штатно.

– Скажите, а это действительно настоящий специалист? –

Эта фраза прозвучала с неприкрытым беспокойством.

– Более чем. Я позвоню, как выяснится что-нибудь интересное.

На этом связь прервалась.

¹ «Девятка» – статья под этим самым номером о средствах на оперативные расходы в некоторых спецслужбах. В данном случае заказчик, видимо, когда-либо имел к ним отношение или же просто хотел показать осведомленность в этом вопросе. Такое случается. (Здесь и далее прим. авт.)

Глава 1

Пахарь и трахарь

Москва, зима 2009 года

– Еще кофейку, Мишаня?

– Да, давай. – Как говорится, пустячок, а приятно.

Словами не выразить, как согревается и поет душа, когда самый настоящий руководитель федерального министерства принимает в одной из собственных московских квартир своего подчиненного, обычного занюханного заместителя заведующего отделом, да еще лично потчует его ароматным напитком собственноручного изготовления.

– Ну и как? – полюбопытствовал министр Витя.

– Недурственно, – признал Мишаня, сделал еще один глоток и аж зажмурился от удовольствия.

Потом он отставил чашечку в сторону и потянулся за сигаретами.

– Ты бы пореже дымил, старый, – сказал хозяин квартиры и заботливо пододвинул гостю кофейное блюдце, потому что пепельниц в доме не держал.

Сам он, конечно же, здоровье табаком не оскорблял, напротив, трепетно его берег. Министр регулярно посещал

фитнес-центр, поигрывал в теннис и каждую зиму обязательно выкраивал недельку-другую, чтобы покататься на лыжах. Горных, естественно, и в достойной компании. Поэтому в свои сорок девять он выглядел никак не старше сорока двух и по-прежнему очень нравился женщинам. В отличие от хронического неудачника, сидящего напротив, вместе с которым когда-то целых пять лет отучился в достаточно приличном госуниверситете.

– Мерси, – сказал тот самый неудачник, вечный замзав, скромный кабинетный пахарь, лысый, нездорово располневший мужик.

Он достал из мятой пачки сигаретку, якобы американскую, щелкнул одноразовой пластмассовой зажигалкой производства братского Китая, затянулся и выпустил струйку дыма. В воздухе остро запахло отечественным производителем.

– Ну, говори уже! – Министр Витя легко выбросил из кресла ухоженное тело, подошел к окну во всю стену, засунул руки в карманы и принялся любоваться снегом, засыпающим Москву. – Что ты там надумал?

– Есть одна тема. – Миша отпил еще кофе и раскрошил окурок в блюдце. – Ярдов на сорок.

– Сорок, говоришь? – не оборачиваясь, уточнил Витя. – В переводе на вечнозеленые это будет...

– Сорок, – перебил его толстяк, сидящий в кресле. – Это не в рублях. – Он снял очки и принялся протирать стекла по-

лой простенького свитерка, приобретенного в прошлом году в Лондоне у Marks & Spencer.

– Погоди-ка! – Удивленный министр обернулся. – Сорок ярдов в зелени, я правильно понял?

– В евро, Витек, – спокойно отозвался Миша. – В долларах выйдет даже больше.

– Это как?

– Так как-то, – раздалось в ответ. – Нацпроект – штука дорогая.

– Ты сказал «нацпроект»? – в восхищении воскликнул министр.

Лицо его под двумя слоями загара, летнего средиземноморского, персикового цвета, и зимнего, темно-коричневого, альпийского, разом покраснело, как будто он с размаху засадил стакан сорокаградусной и тут же запил еще одним. Глаза заблестели.

– Я не ослышался?

Глава 2

Проект в России больше, чем проект

Чиновники в России, чтоб вы знали, воруют. А Волга впадает напрямиком в Каспийское море. После осени следует зима. То, другое и даже третье ни для кого не является секретом. Тянут, суки такие, все, что не приколочено, крадут регулярно и вдохновенно. То, что приколочено, отколачивают и опять же тянут. А еще откатывают, распиливают и сами себя окупают.

Но национальный проект! Это, доложу я вам, уровень. Участие только в одном из них способно принести государственному служащему на порядок больше благ, нежели все предыдущие и последующие годы честного и беспорочного служения Отечеству. Это слово непременно пишется с заглавной буквы!

Забота о здоровье граждан, доступное жилье, приватизация, в конце-то концов. Ни одна из этих гениальных задумок не обогатила Родину, мать ее так, зато подняла до космических высот уровень благосостояния всех персон, в той или иной степени поучаствовавших в этом непотребстве.

Служивый люд давно уразумел, что самый простой и толковый способ обогатиться – это откусить от бюджета. Кто сколько сможет. Просто, вкусно, а главное – безопасно. Отчизна и не хватится, когда ее в очередной раз ошкурят. По-

тому что она у нас шибко доверчивая. Еще со времен татаро-монголов ее самым бессовестным образом множество раз накалывали, разводили и просто всесторонне имели, а она, поди ж ты, все еще верит в красивые слова и благие намеренья.

Вспомнить хотя бы светлую идею о переходе к профессиональной армии. Сколько шума было в прессе. Как красиво и умно вещали господа демократы. Какое море бабла под это дело отслонявили. И что на выходе? Даже говорить неудобно.

Никто ведь даже не полюбопытствовал, сколько же по-настоящему серьезных держав на планете Земля имеют полностью профессиональные вооруженные силы. Сообщаю для тех, кто не в курсе: всего-навсего две – Великобритания и США. Одна из них просто богатенькая, у другой есть печатный станок.

Тут и мы туда же. С голой жопой.

– Как ты себе это представляешь? – Министр Витя заботливо подлил подчиненному кофейку, себе тоже плеснул.

– А хрен ли тут представлять? – невозмутимо ответил тот и добавил сахару по вкусу. – Все и так ясно. – Он пригубил кофе и остался доволен. – Через недельку добыю план в подробностях. Передашь его Славику. – Он вскинул глаза к потолку. – Пусть там, наверху, одобряют и утвердят.

– А если там не поведутся? – Витя тоже поднял глаза.

– Это вряд ли, – проговорил Миша и извлек из пачки оче-

редную сигарету. – Обстановка сейчас, брат, такая.

– Какая? – нервно спросил министр.

Он был слегка уязвлен тем обстоятельством, что какой-то мелкой лобковой вше известно то, что ему, видному государственному деятелю, неизвестно.

– Такая, что народу требуется забота и ласка, – пояснил Миша и пошевелил пальцами руки, свободной от сигареты. – Что-то электорат у нас, Витек, в последнее время взгрустнул. Пора бы чуток его взбодрить. – Заместитель заведующего с большим удовольствием затянулся импортной фирменной сигаретой отечественной сборки. – Утвердят и подпишут, даже не сомневайся. Еще спасибо скажут.

– А потом?

– А потом как всегда. – Мишаня сладко потянулся и хихикнул, причем достаточно мерзко. – Кампания в прессе, всенародный подъем и небывалый прилив энтузиазма. Когда все это накроется медным тазом, тебя слегка пожурят, в крайнем случае уволят. Славик сам уйдет, исключительно из солидарности. Свалите себе в Лондонск, как все, или на Таити. – Очкарик по-детски улыбнулся. – Яхты прикупите, как у Ромы, будете друг к дружке в гости плавать.

– Погоди. – Министр нахмурился. – А если вдруг?..

– Почему это вдруг-то? На самом верху в тему обязательно въедут, – уверенно проговорил Мишаня. – Но не сразу.

– Вот видишь!

– Испугал! – Очкарик усмехнулся, разогнал ладошкой

дым и опять закурил, на сей раз исключительно из принципа. – Не то, Витек, время, чтобы орать о всякой там коррупции. И так все в дерьме по самые уши. Пожурят и отпустят.

– Ладно. – Хозяин квартиры постарался взять себя в руки. – Скажи-ка, а какой будет чистый навар?

– Около восьмерки в евро или чуть больше десятки в зелени.

– Что так мало?

– Мало ему! – проворчал толстяк. – Смотри сюда. – Он ткнул концом ручки в схему, изображенную на бумаге. – Здесь надо подмазать, чтоб гладко катилось, тут потратиться, чтобы изобразить суету, похожую на трудовую деятельность. Плюс самоокупаемость работников на местах.

– Неужели так много? – Министр заметно расстроился.

– А еще процентов тридцать сразу же скрадуют, это к гадалке не ходи.

– Сколько?!

– Тридцать, – повторил Мишаня. – Может, чуток больше.

– Блин! – возмутился Витек. – В какой стране живем! Вор на воре!

– Это точно, – поддакнул заместитель заведующего. – Одни мы с тобой честные. Хотя нет. Еще Славик.

– И все равно маловато нам остается.

– С учетом вывода денег, проводок, перебросок на счета, отмывки, думаю, неплохо получится. – Мишаня нарисовал на листе цифры и показал их собеседнику.

– Кто будет этим заниматься?

– А кто из нас троих должен был стать звездой экономики и финансов? – спросило несостоявшееся светило и приосанилось.

– Но ведь не стал, – подколот однокашника Витек.

– Кто тебе сказал? Я, чтоб ты знал, пахал над этим планом целых три месяца. Потом проверял и перепроверял. Если никого совсем постороннего в дело не пустим, то оно выгорит, точно говорю. – Мишаня истово перекрестился.

Кстати, заместитель заведующего слегка покривил душой. Заниматься конкретно этим проектом он начал почти год назад, сразу после интересного и откровенного разговора с собственной женой.

Колыхнув животом, он встал, сложил лист вдвое и разорвал на мелкие куски. Потом очкарик забросил обрывки в блюдце, служившее пепельницей, и запалил скромный погребальный костер.

– Лично ты сколько хочешь? – спросил Витек и очень постарался не измениться в лице, когда услышал ответ.

– Славная у тебя квартирка, брат, – заметил Мишаня. – А там что? – Он указал на дверь.

– Спальня.

– С сексодромом три на три на водяном матрасе? – уверенно предположил друг юности.

– Имеет место.

– И баб здесь небось побывало неслитано.

– Скажешь тоже, – скромно ответил министр и сделал вид, что смутился.

Он очень порадовался, что тюфяк и лузер, бывший однокурсник и друг даже не подозревает о том, что его собственная жена Лизонька, некогда первая красавица филологического факультета, одна тысяча девятьсот девяносто четвертого года выпуска, тоже время от времени отдыхает по этому адресу.

Несчастный рогоносец Мишаня действительно ни о чем таком не догадывался. Он просто об этом знал. Давно и наверняка.

Глава 3

Разгрузить Боливара

Несколькими днями позже. Элитный поселок в ближнем Подмосковье

– Ну, Мишаня! – восхищенно прогудел вице-премьер Славик. – Ну, голова!

В каминный зал бесшумно просочилась прислуга, крупная женщина средних лет в черном платье и снежно-белом фартучке. Она принесла поднос с двумя высокими кружками, исходящими паром, перегрузила их на низкий квадратный столик со стеклянной столешницей и так же тихонько удалилась.

Друзья быстренько похватали посуду и приникли к ней. Полдня они катались на снегоходах по заснеженным полям, а потому испытывали легкий, не холод, нет, а бодрый физкультурный морозец.

Славик и Витек тесно дружили еще с университетских времен. Третьим, если не первым в той развеселой компании был Мишаня. С годами многое изменилось. Демократия, сами понимаете, штука хорошая, но дружить в наше непростое время следует исключительно на своем уровне. Поэто-

му скромный клерк был удален на длину телефонного провода. Они по-прежнему перезванивались, но очень и очень редко. Количество друзей юности с экономического факультета того самого государственного университета одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года выпуска самым естественным образом сократилось до двух.

– Точно, – согласился Витя. – Башка у него всегда варила.

– Удивляюсь даже, как это он с таким умищем сподобился дослужиться до... – подхватил хозяин дома, запнулся и спросил: – Кто он там у тебя?

– Целый замзавотделом, – заявил министр Витя.

– Аж до таких высот! – Славик рассмеялся. – Шибко умных у нас, сам знаешь, не особо жалуют. – Он подошел к камину и не счел за труд лично подкинуть пару полешек в огонь.

– А если серьезно? – с напряжением в голосе спросил гость.

– План почти идеальный. – Шутки закончились, вице-премьер снова был деловит и собран.

– Что значит «почти»?

– Это значит, что мне будет что самую малость поправить и легонько подкорректировать. Это хорошо. Вышестоящие товарищи всегда должны быть чуть умнее разработчиков. Мишаня и это учел. Передай ему мой искренний одобрямс.

– Обязательно.

– Не забудь. – Славик взял со столика кружку и принялся

жадно пить слегка остывший глинтвейн.

Этот мужчина был высоченный, широкий и в то же время какой-то мягкий и домашний, удивительно похожий на плюшевого мишку.

– Кстати, сколько он попросил?

– Десять процентов! – вскинулся Витя. – Представляешь, от полутора до двух ярдов в баксах. Обалдеть!

Хозяин дома поставил опустевшую кружку на место и осведомился:

– Надеюсь, ты не стал торговаться?

– А не жирно ему будет? – разволновался гость в ранге министра. – Такие, блин, бабки и кому?

– Не будет, Витя. – Славик широко улыбнулся. – Ему вообще никак не будет. И ничего.

– То есть... погоди, я тебя правильно понял?

– Абсолютно, – сказал вице-премьер, упал в кресло и вытянул длинные ноги. – Если на кону стоят такие деньжищи, то посторонних личностей принято снимать с пробега. И вообще, Боливар у нас не железный, троих не вынесет.

– Вот, значит, как. – Вите на минуту стало жутковато.

Он знал друга юности как облупленного, поэтому не страдал лишними иллюзиями на его счет.

– Да ладно, старый. – Вице-премьер протянул руку и шутливо ткнул верного друга кулаком в плечо. – Ты да я, да мы с тобой не первый год дела делаем. К чему нам лишний пассажир? Когда дело выйдет на финишную прямую, дам я на-

шему Мишане в помощь своего человечка. Он-то это дело и закончит.

– А что потом с ним самим будет? – Гость совсем не хотел об этом спрашивать, как-то само собой вырвалось.

– Мне потом его будет очень не хватать, – грустно проговорил Славик. – Золотая у парня голова, честное слово, ничуть не хуже Мишкиной.

– Когда начинаем?

– У меня через неделю доклад во втором доме², – безмятежно отозвался хозяин дома и жизни. – Вот и доложу. Там, кстати, с телевидения кто-то будет. Пускай страна услышит и увидит.

– Страшновато как-то.

– Неустанный труд на благо народа – наша наипервейшая задача, – наставительно, с государственной заботой в голосе изрек Славик. – Так что не хрен вибрировать. – Он крикнул, извлек многопудовую тушу из кресла. – Пошли, старый, а то девчонки заждались.

Девчонками он назвал молодых, симпатичных, умненьких, донельзя ухоженных дамочек из достойных семей. Видные государственные деятели были женаты на них вторыми браками. К моменту окончания этого интересного разговора красавицы уже успели не только перемять косточки общим знакомым, обсудить последние новости, но и накатить по паре рюмашек чудесного коньяка тридцатилетней выдержки.

² Краснопресненская набережная, дом два – здание Правительства РФ.

Для аппетита перед ужином.

– Пойдем, – весело согласился Витек и бодро зашагал вслед за старым верным другом, предвкушая замечательный ужин и много-много чего приятного и славного в недалеком будущем.

Ему, такому радостному и счастливому, невдомек было, что и его жизнь висит на волоске. Ведь такое большое кидалово неизбежно приводит к тотальному мочилову. Да и Боливару из того самого рассказа классика жанра, если помните, не пришлось тащить на горбу не только третьего, но и второго седока.

Глава 4

Умом Россию не понять, другим же местом – слишком больно

Зима меж тем плавно перетекла в весну, на смену морозам и вьюгам пришли капели и грипп, на этот раз – мексиканский. На ветках появились почки, земля покрылась свежей ярко-зеленой травкой.

Потом вся эта красота, конечно же, начала гореть. Ведь никто даже в кошмарном сне не мог предположить, что прихода поступит с россиянами настолько по-свински. Вслед за весной ни с того ни с сего наступило сухое и жаркое лето. Все запылало. Страну окутали дымь пожаров. Длилось это невообразимое счастье аж до конца августа, а закончилось не так уж и плохо, несмотря на все усилия МЧС и политическую волю руководства.

Природа на людей особо не надеялась и решила вопрос самостоятельно. С помощью проливных дождей. И очень правильно сделала.

Национальный проект, грамотно распиаренный еще в конце зимы, меж тем реализовывался достаточно успешно, ничуть не хуже или лучше предыдущих, да и, наверное, последующих. Не обошлось, конечно же, без сюрпризов. Самокупаемый персонал на местах скрал на семь процентов

больше, чем было запланировано. А в остальном все шло так, как и должно было.

В марте следующего года акционеры планировали освоить последний транш, в апреле – отрядить в помощь умнику Мише еще одного паренька, преданного кадра вице-преьера Славика. С тем расчетом, чтобы до всенародного праздника, Дня Победы, никто из рабочих лошадок не дожил.

Тут-то и случилось неожиданное. В двадцатых числах декабря Славик с Витей, измотанные непосильным трудом, настоящие рабы на галерах, решили чуток передохнуть. Они на какое-то время передали весла приближенной челяди, а сами рванули в Альпы на открытие горнолыжного сезона. В том году оно прошло с опозданием.

Верные друзья покатались с горок, побаловали организмы экологически чистым воздухом, слегка оттопырили чакры в местных ресторанах. Они от души оттянулись в приятной компании родных и близких людей. В это время как раз подтянулись Леха и длинный Миша со своими девками. Олег тоже подрулил. Даже Рома-футболист заглянул на пару деньков.

В начале января государственные мужи, загоревшие и поспежившие, вернулись в Рашку. Тогда-то и выяснилось, что Мишаня, без пяти минут покойник, много чего успел натворить в их отсутствие. Он уволился с работы, быстренько развелся с женой Елизаветой, а сам пропал, как в болото канул. Этот урод прихватил с собой все до последней копейки

деньги, которые сумел отжать у Родины-матери. Такую песню испохабил, гад!

Уже в третью пятницу марта все граждане России, которые не наблюдали вечером по ящику футбол, смогли увидеть трансляцию из Дома правительства и услышать, что сказал премьер своим верным нукерам, точнее некоторым из них.

– Как же так? – тихо, почти шепотом прокричал он, глядя на двух скромных героев, сидящих поодаль друг от друга.

Даже без телескопа всем было ясно видно, что председатель правительства искренне страдает от невозможности пригласить эту сладкую парочку в комфортабельный подвал на Лубянской площади и там озвучить вопрос вторично.

Не знаю, как сейчас, но раньше в разведке, даже комитетской, держали кого угодно, но не дураков и тугодумов.

Мне хотелось бы, чтобы вы, уважаемые читатели, поняли, что в этой фразе прозвучала искренняя, проверенная временем симпатия автора, в прошлом офицера ГРУ, к так называемым соседям. Они, разведчики КГБ, в импортных костюмах с закрытых баз для слуг народа второго сорта, неоднократно и с удовольствием над нами подшучивали, называли сапогами, солдафонами и в чем-то, надо признать, были правы.

Мы в ответ исходили сатирой и юмором на тему о том, что к нам хотя бы попадают лучшие из офицеров, а к ним – самые тупые и неудачливые комсомольцы из райкомов, и тоже были не так далеки от истины. А если серьезно – одно

дело делали. Порой очень даже неплохо.

Ладно, довольно лирики.

Итак, премьер просек весь этот расклад, причем гораздо раньше, чем ожидали все без исключения действующие лица.

Сразу после того заседания Витя заболел неврозом и умотал лечиться за кордон. Оттуда он уже не вернулся, прошение об отставке переслал по факсу, а уже через неделю повсюду раздавал интервью, в коих выражал озабоченность судьбами Отчизны и демократии на ее просторах.

Слава остался один-одинешенек, прямо как писсуар в чистом поле. Он отбрехивался, по возможности отмазывался, в общем, сражался. Но битва длилась недолго. Уже в мае ему мягко намекнули, что неплохо бы проследовать на выход с вещами. Хорошо еще, что не закрыли, как пошлого трамвайного воришку.

В апреле он в последний раз в прежнем качестве посетил во главе российской делегации очередную экономическую тусовку, необходимую мировому сообществу не более, чем рыбе лосось анальный вентилятор. Все это происходило, кажется, в Австрии. Или во Франции.

Славик приехал, посидел в первом ряду, послушал вполуха весь этот треп, даже отметил на скромном деловом банкете в виде фуршета. Он сделал круг почета по залу с бокалом кислого шампанского в руке, тихонько оттуда слился, оставил охрану в холле Ambassador Hotel, сам легко поднял-

ся по ступенькам на третий этаж, остановился у номера триста восемь и постучал в дверь.

– Кто там? – раздалось изнутри, что интересно, на чистом русском.

– Сто грамм, – весело, даже как-то игриво ответил опальный вице-премьер. – Открывай быстрее!

– Славик! – Миша, весь постройневший и посвежевший, прилично и со вкусом одетый, радостно распахнул объятия. – Привет!

– Здорово, старый! – воскликнул тот, что интересно, тоже с самой искренней радостью, и шагнул навстречу.

Друзья обнялись.

– Проходи, Слава, стол уже накрыт, – проговорил Мишаня и обнял друга юности за обширную талию. – Водочка, икра, все такое. Даже ананас прикупил. Помнишь, как тогда, на Витькиной хате, на майские?

– Все помню. – Вице-премьер аккуратно положил лапу на плечико беглеца. – Пошли, брат, посидим по фэншую, чтобы все как раньше.

Приятели выпили по первой, закусили, тут же приняли по второй.

– Ты никак на сигары перешел? – изумился Слава, наблюдая, как после третьей рюмки его университетский друг извлек из кармана футлярчик с изделием явно ручной работы.

– Не поверишь, вообще не курю, и не тянет.

– Так ты же лет с пятнадцати начал.

– Точно, – отозвался тот, открутил колпачок футляра, достал сигару, с большим удовольствием понюхал ее и положил обратно. – А теперь все как отрезало.

– Уважаю! – Славик налил другу, потом себе. – Ну и что нового? Как там наша песня о счастье?

– Как и обещал. – Миша отсалютовал собеседнику рюмкой и запустил в меру охлажденную водочку по адресу. – Все бабки разбросаны по пятидесяти трем счетам. Лежат и ждут, когда же их начнут тратить. Решаешь вопрос с Витюшей и получаешь любую половину от суммы.

– Ты, как я посмотрю, уже начал, – с легкой укоризной заметил человек, пока еще являющийся вице-премьером. – Живешь как султан, ни в чем себе не отказываешь.

– Обижаешь, – заявил тот и покачал головой. – Ни одной общей еврокопейки не тронул.

– А как же тогда?..

– Ты об этом? – Мишаня указал взглядом на стол. – Неудобно говорить, но я и на прежней должности с некоторых пор не бедствовал. – Он усмехнулся. – Совсем не страдал.

– А мы и не знали.

– А вы и не знали, – подтвердил Миша. – Да и никто не знал, потому что я всегда проворачивал дела сам.

Точно, так оно и было. Пока...

Глава 5

История вопроса, или Удар рогом

Да, так оно и было. Пока в один прекрасный день самый любимый для Миши человек, его супруга, красавица Елизавета, находясь в дурном настроении и легком подпитии, не раскрыла вдруг растяпе муженьку глаза. Ни у какой подружки она, оказывается, не гостила, а лежала в частной клинике. Делала аборт от красавца Витюши. Третий по счету, дай бог не последний.

– Ты же говорила, что не можешь родить, – ошалело пролепетал несчастный законный супруг.

– От тебя не могу, – подтвердила Лиза и накатила любимого полусладкого вина. – Вернее, не хочу и никогда не буду. – Она достала из пачки тонкую сигарету. – Дай-ка огоньку, неудачник.

– Ты хочешь сказать?.. – Миша щелкнул зажигалкой.

– Я уже все сказала! – отрезала она. – Извини, мне очень хочется побыть одной.

– Да, конечно, – пробормотал роконосец и побрел куда глаза глядели, то есть на кухню.

Там он сел за стол, ухватился двумя руками за голову, застонал от нахлынувшей боли и замер. Жизнь закончилась.

Елизавета была для него всем. С первой же минуты, когда Михаил, тогда еще звезда экономического факультета уни-

вера, без трех минут профессор и завкафедрой, повстречал ее на вечеринке у каких-то шапочных знакомых и с ходу втрескался, как семиклассник в порнозвезду. Через три дня, краснея, запинаясь и путаясь в словах, он предложил ей руку и сердце. Этот умник совершенно обалдел от счастья, когда красавица мило улыбнулась и ответила: «Да».

У самой девушки как раз наметился сложный период в жизни. Богатый кавалер сделал ей ручкой, давний любовник нашел себе куклу помоложе. Остальные друзья и знакомые мужского пола при случае с удовольствием баловались с ней. Но все они почему-то тут же становились недоступными, похожими на выключенный телефон, если у Лизы возникали проблемы.

Понимал ли он, что красавица не испытывает к нему ответного, высокого, чистого и светлого чувства, воспетого поэтами-песенниками и даже некоторыми писателями-прозаиками? Конечно. Мишаня прекрасно это видел и все равно верил, что его любви хватит на двоих. Не он первый, все мы порой так думаем.

«Мне душно в этом городишке», – сказала молодая жена сразу после свадьбы, и он тут же начал наводить мосты в сторону Московского университета.

«Как же достала эта нищета!» – вскользь заметила она.

Муж тут же забросил, к чертовой матери, науку и напросился в гости к бывшему однокурснику Витюше, тогда еще заместителю министра. Он приехал вместе с супругой, от-

ужинал, чем бог послал, а между десертом и последней рюмкой попросился на работу.

– Подумаем, – весело проговорил Витюша, оглаживая взором симпатичную мордашку и выдающиеся обводы молодой жены друга.

А посмотреть там было на что. Осиная талия, маленькая аккуратная попка, длинные стройные ноги и роскошный, прямо-таки аэродинамический бюст!

– Хотя хрен ли там думать. Перебирайся в Москву! – заявил Витя и в порыве чувств хлопнул старинного друга по плечу.

Михаил переехал в столицу, устроился на работу и принялся каждый день ходить в присутствие, где с омерзением перекладывал бумаги из одного ящика стола в другой. Сначала он трудился в качестве совсем мелкого клерка. Потом Миша начал подниматься по ступенькам карьерной лестницы. Через пару лет этот незаурядный человек переехал из кабинета на пятерых в отдельный, занял должность заместителя заведующего отделом.

Его непосредственным начальником в то время числилась девица без московской регистрации, двадцати четырех лет от роду. На рабочем месте эта красавица и умница появлялась нечасто, в основном пропадала в родительском доме в поселке Жуковка или в Испании на собственной скромной вилле с четырьмя спальнями и бассейном размером с озеро Чад.

До нее эту же должность занимал один скромный юноша из Ингушетии. Его потом зарезали на какой-то дискотеке не столь цивилизованные соплеменники.

С деньгами все наладилось на удивление быстро. Чиновникам из его отдела регулярно заносили за любую мелкую услугу, а чаще всего просто за то, что они есть.

Лизонька поначалу была счастлива и весела, как птичка, а потом загрустила. Ее вдруг перестали радовать поездки в Турцию, Египет и Испанию, дачка в Малаховке и даже игрушка, еще недавно горячо любимая – новехонькая «БМВ» российской сборки. И захотелось ей...

– Остров! – вымолвила она, взор ее затуманился, щеки разругались. – Пусть даже совсем маленький. Где-нибудь на Карибах. Представляешь, море, пальмы, мелкий песочек, яхта у причала. Я иду одна по пляжу...

– А где же я? – удивился Миша.

– Где-где? – с легким, чуть слышным вздохом отвечала красавица Лизавета. – Тоже где-то там же. – Она прыгнула к нему на колени, обняла за шею, лизнула в ушко. – Милый, увези меня отсюда!

– Куда?

– Туда. – Лизонька мотнула головой в сторону, где, по ее представлению, располагалась вся эта красота.

– Как скажешь, – тихо проговорил он и тоже вздохнул.

Миша прекрасно понимал, что влезает в хороший, по выражению прогрессивной части населения, блудняк. Но ради

нее!..

Для начала он тихо, незаметно для коллег провернул одну операцию, потом еще две. Миша очень расстроился. Он понял, что если и дальше станет продолжать в том же духе, то лет через много на остров заработает, но причала и яхты там точно не будет. В этом райском уголке не появится сам собой скромный домишко о двух этажах с вертолетной площадкой на берегу. Чтобы все это получить, учудить надо такое!..

Голова бывшего ученого заработала с интенсивностью ядерного реактора. В результате на свет появилась та самая идея.

Мише захотелось пить. Он с удивлением ощутил, что все еще жив. Встал, налил в чашку остывшего чая и жадно осушил ее до дна. Потом ушел в кабинет и аккуратно закрыл за собой дверь.

Этот человек круто изменил свою жизнь, пожертвовал всем, чем только мог: карьерой, любимой работой и даже такой сущей мелочью, как принципы. Миша был безгранично счастлив, потому что рядом всегда была она, его Лизонька.

Теперь выяснилось, что если и рядом, то совсем не с ним. В тот день в собственной квартире на Преображенке скоропостижно скончался скромный боязливый чиновник себе на уме. В тот же миг на свет появился отчаянный, остроумный и жестокий кидала.

Он простил жену, по крайней мере сказал ей об этом, потом поцеловал руку и прослезился.

Она тоже разрыдалась, крепко-крепко обняла его, прижалась всем телом и прошептала:

– Прости меня, Миша. Я была редкостной дрянью.

– Начнем жизнь с чистого листа, – заявил он и сам поразился пошлости сказанного. – Согласна?

– Да, милый. – Лизонька подняла заплаканную, но такую милую мордашку, и он, как пишется в дамских романах, утонул в безбрежной синеве ее глаз.

Вернее сказать, Миша в очередной раз собрался было это сделать, но вдруг решил погодить и остался на берегу.

Они опять зажили счастливо и не во лжи.

Месяца через полтора Лиза в очередной раз отправилась навещать подругу, а он даже не обратил на это внимания. Занят был, оттачивал до самых мелких деталей план, разработанный на основе той самой идеи, вдруг навестившей его. Миша отработывал ходы-выходы, изучал подводные течения, причесывал и полировал, наводил глянец, продумывал неожиданные ходы на случай, если вдруг что-то пойдет наперекосяк. Ведь самый лучший экспромт – это тот, который изобретен заранее.

Через полгода он дождался какого-то праздника, позвонил вице-премьеру Славику, поздравил его и решительно напросился на разговор без свидетелей.

– Интересно, – сказал тот, выслушав план. – Нагло и, я бы даже сказал, остроумно. Пойдешь ко мне в команду? – вдруг предложил он.

– Поздно пить боржоми, – сухо проговорил Миша. – Как тебе тема?

– Тема интересная, я уже говорил. Только вот...

– Премьер узнает, – утешил друга сердобольный Миша. – Обязательно.

– И что?..

– Ничего страшного ни для тебя, ни для меня не случится. – Гигант мысли полез было за сигаретами, но натолкнулся на суровый взгляд друга юности и оставил курево в покое.

– Объясни.

– Запросто. – Миша почесал брюхо под свитером. – Я – величина ничтожно малая, ни на что серьезное не способная. Ты – слишком велик. На такие должности, как у тебя, жуликов не назначают. Это исключено априори.

Славик закашлялся и спросил:

– Кто же тогда будет виноват?

– Как это кто? – удивился Мишаня. – А Витюша зачем?

Хозяин дома ошалело покачал головой.

– И не жалко тебе его?

– Очень жалко, – ответил очкарик и непритворно вздохнул. – Только себя еще жальче. Да и тебя тоже.

– Дела!.. – Славик надолго замолчал.

Миша молча пил чай с лимоном, не мешая старому другу принимать решение.

– Ладно. – Вице-премьер надавил ладонью на столешницу, раздався жалобный скрип. – Так тому и быть.

– Вот и славно. – Миша отставил чашку в сторону. – Значит, в ближайшие дни я иду к Витюше. – Он тоже хлопнул ладонью по столу, только намного тише. – Начинаем.

– Один-единственный вопрос. – Славик поднял голову и внимательно посмотрел в глаза другу юности. – За что все-таки ты его так?

– А ни за что, – последовал мгновенный ответ. – Ничего личного, дело прежде всего.

– Ну-ну. – Славик прищурился и глянул на когда-то самого доброго на свете парня так, как будто менял ценник.

Афера удалась на славу. Потому что была тщательно продумана и хирургически безукоризненно исполнена. Как и все остальные, прокручиваемые до и после нее.

В нашем Отечестве сейчас только они, аферы да кидалова, проходят без сучка и задоринки. Все остальное – фигушки. Потому что планируется это самое все остальное исключительно левой ногой, а исполняется и того хуже.

Вывести из дела и вытащить из страны получилось, конечно же, сумму несколько меньшую, но вполне достаточную для того, чтобы оба акционера не страдали остаток жизни от пошлой и честной бедности. Даже если она, эта самая жизнь, окажется не короче, чем у галапагосской черепахи, отдельные особи которой, ведущие исключительно здоровый образ жизни, говорят, дотягивают аж до ста восьмидесяти лет.

– Так сколько же мы с тобой все-таки заработали? – спросил Славик, сидя в номере отеля, расположенного то ли в

Австрии, то ли во Франции, и закусил водочку мелкозернистой севрюжьей икоркой. – Просто интересно.

– Мы... – выговорив это слово, Миша очень постарался не рассмеяться в голос. – Мы с тобой на пару, старый, подняли четыре с половиной ярда в евро. В баксах это...

– Шестерочка, – сказал второй акционер и надул губы. – Я думал, побольше выйдет.

– Можно было бы снять и побольше. – Бывший доцент не стал спорить с бывшим вечным троечником и секретарем комитета комсомола факультета. – Но тогда...

– Понимаю, – сказал Славик и вздохнул. – Ладно, дай мне месяц-другой сроку.

– Да хоть год, – великодушно согласился Миша. – Решаешь вопрос с безбилетным пассажиром и тут же получаешь бабло.

На прощание приятели и компаньоны сердечно обнялись.

– Береги себя, – заботливо проговорил Славик. – Я слышал, Витек очень сердится. Как бы...

– Ладно. – Миша беспечно махнул рукой. – Пусть его. У меня, чтоб ты знал, охрана получше твоей. Такие волчары!

– Ну, дай-то бог. – Человек, пока еще занимающий должность вице-премьера, стряхнул пылинку с плеча старинного друга и перекрестил его. – Тогда я за тебя спокоен.

Ох уж мне эти доценты с кандидатами, виртуозы теории и знатоки законов науки. Жизнь наша, ребята, куда как сложнее и паскуднее. Откуда же мстительному роконосцу и фи-

нансовому гению Мишане было знать, что аферы такого масштаба, как бы красиво они ни начинались, всегда заканчиваются тем, что в живых остается только один из их участников. А то и того меньше.

Глава 6

Большая стирка

2010 год, май. Внезапное похолодание, мерзкий дождь

– Слушаю вас, – тусклым голосом произнес, глядя в окно, лысоватый, изрядно потертый на сгибах мужичонка лет сорока с приличным гаком.

Он отпил мерзкого, даже на вид, чайку из одноразового пластикового стакана, взял из пачки со стола сигарету. Этот нахал явно собирался закурить, не спрашивая разрешения собеседника.

Славик обалдело захлопал глазами, потом все-таки решился, уселся на сомнительной чистоты табурет в крохотной кухоньке квартиры, убитой разве что не в хлам, достал из кармана конверт.

– Те люди, которые приказали вам встретиться со мной... – начал было он.

– Ошибаетесь, гражданин! – резко перебил его субъект плебейского вида. – Мне уже давно никто и ничего не приказывает. – Он поставил стаканчик на стол. – Ладно, что там у вас?

Для того чтобы встретиться с этим человеком, недавнему вице-премьеру пришлось затратить кучу нервов, некую сумму денег – а он давно уже отвык платить кому бы то ни было за любые услуги! – и почти месяц драгоценного времени.

А еще Славик прошел через жуткие унижения. Судите сами, до Выхино он, как было сказано в инструкции, добирался в вагоне метро без кондиционера и освежителя воздуха, зато вместе с электоратом. А тот вел себя совершенно по-хамски: толкался, пихался, норовил пройтись грязными говнодавами по туфлям стоимостью с тот вагон и отчаянно благоухал. Потом бывший чиновник очень высокого ранга промочил ноги, разгуливая по лужам в поисках дома номер семь, корпус три. Только через минут сорок он разыскал его, почему-то между двадцать третьим и тридцать шестым. Все эти грязно-белые строения были похожи друг на друга как одноййцевые близнецы.

Славик наступил на какую-то гадость в неосвещенном подъезде, а потом едва не облевался от запаха Родины в лифте с оплавленными кнопками.

Бывший вельможный государственный служащий выложил на стол два листа бумаги, сложенных вчетверо.

– Эти двое должны... – начал он и замялся.

– Говорите уж, коли пришли.

– Умереть, – тихонько проговорил разжалованный чиновник. – В один день. Причем так, чтобы это выглядело как...

– Несчастный случай?

– Совершенно верно. – Славик извлек из кармана платок и промокнул взмокший лоб. – Первым должен... – Он опять замялся.

– Пострадать?

– Именно. – Гость поморщился.

В крохотной кухне было накурено так, что хоть бронепоезд вешай.

– Вот этот тип. – Славик постучал пальцем по листу. – Здесь фото и информация. – Он тронул вторую бумажку. – Другой клиент обязан отправиться следом за ним через два-три часа.

– Понятно. – Потертый дядька кивнул, развернул первый лист и уточнил: – С ним только шофер и один охранник?

– Да.

– А что у нас здесь? – Мужичок взялся за второй лист, пробежался взглядом по строчкам. – Отставные парашютисты из легиона?

– Десять бойцов, – подтвердил бывший вице-премьер. – Полагаю, это работа для целой команды серьезных профи.

Мужичок противно рассмеялся и заявил:

– Профи ему подавай, да еще целую, мать ее, команду! – Он встал, приоткрыл форточку и щелчком отправил окурок наружу. – Это у вас, гражданин, сплошные команды. – Дядька затворил форточку, видимо решив, что свежий воздух московской окраины ему вреден. – И как вы себе это представляете?

– Ну...

– То-то и дело, что «ну». – Потертый субъект постучал пальцем по листу номер два. – Клиент живет, можно сказать, в крепости, при нем десяток охранников. Прикажете брать дом штурмом?

– Что же тогда делать? – спросил Славик и расстроился в лучших чувствах.

– Для таких случаев, мил человек, нужны особые специалисты, чистоделы. – Мужичок опять полез за сигаретой и снова мерзко хихикнул. – Только вот где они?

– Как это?

– Да так. – Дядечка глянул на собеседника без малейшей симпатии. – Вы что со спецслужбами сделали, уважаемый?

– Не понял.

– То-то и оно, что ни хрена вы не понимаете. Умельцы нужного вам профиля давно уже тю-тю, ушли куда-то.

– Неужели ни одного не осталось? – Славу пробил горячий пот, и он опять полез за платком. – Так что же делать?

– Можно, конечно, поискать. – Мерзкий мужичонка в поганой одежде с вещевого рынка решил, что клиент созрел. – Только это будет стоить денег.

– Не вопрос. – Быстро проговорил наниматель. – Я согласен.

– Осталось выяснить, согласны ли работники.

– Чистоделы?

– Они самые. Ребята серьезные, за копейки не работают.

Этот дядечка не в очень далеком прошлом и сам был специалистом того самого профиля, еще советской выделки. К слову, очень даже неплохим, с достаточно длинным послужным списком, счет которому был открыт еще в начале восьмидесятых. Кстати, бывший вице-премьер совершенно напрасно считал его жалким плебеем. Человек, сидящий перед ним, свободно владел тремя европейскими языками, еще на пяти более или менее свободно объяснялся. Фрак на нем, если потребуется, сидел как влитой, на зависть отечественной самопальной элите.

– Понимаю. – Гость кивнул. – Все будет оплачено.

– Первый случай стоит... – Мужичок назвал сумму. – Вопросы?

– Да, конечно. Куда перечислить аванс?

– Работа будет сделана только после перевода всей суммы на этот счет. – Потертый субъект выложил на замызганный стол прямоугольный кусок картона. – Теперь по второму клиенту. – Дядька опять закурил. – Насколько я понял, у него требуется кое-что изъять?

– Носитель информации.

– Какой именно?

– Это мне неизвестно.

– Что ж. – Мужичок усмехнулся. – В таком случае цена вопроса составит...

Славик услышал такое число, что сперва еще больше покраснел, а потом и побледнел.

– Однако!

– Хотите сделать прическу, идите в салон, – сказал потерявший тип и пожал плечами. – Нет денег – стригитесь дома.

– Я... – Слава закашлялся. – Я согласен.

– Вот и чудненько. – Мужичок совершенно не удивился его щедрости. – Деньги за вторую акцию переведете вот сюда. – Он выложил на стол второй листок.

– Я понял, – проговорил заказчик. – Только у меня есть условие.

– Даже так? – Дядечка удивленно приподнял бровь.

– Да. – Отставной вельможа немного пришел в себя и кивнул. – Оба исполнителя должны... – Он сделал паузу. – Ну, вы понимаете.

– Не понимаю.

– Должны быть устранены, – уверенно заявил Слава. – Как у вас говорят, стерты. Первый сразу по окончании акции, второй – после того как отдаст носитель моему человеку.

– У нас так не говорят. Это обязательно?

– Не обсуждается! – твердо заявил Слава. – За это я и плачу столько.

– Кто должен их ликвидировать?

– Не вы. Мои люди справятся. Я в этом уверен.

– Вот, значит, как. – Мужик с сигаретой на несколько секунд задумался.

Дом, видите ли, как крепость. Десяток отставных головорезов в охране. Эка невидаль. Не такое много раз провора-

чивали.

Увы, это дело, вполне незамысловатое на первый взгляд, оборачивалось совсем другой, достаточно гадкой стороной. Зато какие деньжищи на кону! Вот она, долгожданная и справедливая компенсация за многие годы работы на контору исключительно за спасибо. Сама в руки идет.

– Проблемы? – Бывший вице-премьер опять занервничал.

– Никаких. – Старый мокрушник за считанные секунды подвел баланс и принял решение.

Заодно он простился с теми двумя людьми, которых в самом скором времени отправит на верную смерть. Один из них когда-то обучал его ремеслу, а потом вытащил из очень большой неприятности. Второму он откровенно симпатизировал.

– Великолепно. – Славик облегченно улыбнулся. – Тогда мне пора.

– Не спешите, – прозвучало в ответ. – В свете особых условий стоимость акций возрастает втрое.

– Что?! – Наниматель обалдел. – Сумма, которую вы просите...

– Я ничего у вас не прошу! – Мужичок опять глотнул остывшего чаю и запустил стаканом в грязную раковину, покрытую слизью. – Вы соглашаетесь либо...

– Согласен, – пролепетал Славик, расставаясь в мыслях с ого-го какой суммой.

– Тогда прощайте. – Дядька мотнул головой в сторону две-

ри и хотел было попросить этого навороченного богатенького придурка снять наблюдение, но не стал этого делать.

Подумаешь, какие-то гаврики аж в трех машинах. Не проблема.

Группа наружного наблюдения плотно обложила дом сразу после того, как бывший вице-премьер вошел в подъезд. Не таким человеком был Слава, чтобы давать подобные заказы кому угодно и расставаться так просто с честно заработанными деньгами.

После его ухода прошел едва ли не час. Наконец дверь подъезда распахнулась. Низкорослая беременная тетка кавказского вида с коляской и выводком малышни вышла наружу и затрусилась в сторону магазина.

– Проследить! – отдал распоряжение старший группы.

Из соседнего подъезда вывалилась компания явно нетрезвого молодняка. К ним тоже прицепился хвост.

Не остался без сопровождения и дворник, явный уроженец Средней Азии, в вылинявшей малиновой куртке с невнятной надписью на спине, джинсах с порванной мотней, раздолбанных кроссовках гигантского размера и шапочке-петушке. В руках он держал орудие труда в виде метлы. Разглядеть лицо скромного коммунального труженика не представилось возможности, но даже со спины он выглядел самым настоящим таджиком, без всякой посторонней примеси.

Через некоторое время дама с коляской и будущими

потомственными москвичами возвратилась домой. Молодежная компания, согласно докладу, устроилась на скамейке под грибком неподалеку и продолжила веселье.

А вот с дворником приключился самый настоящий облом. Топтун, проследовавший за ним, отзвонился и смущенно доложил начальству, что тот куда-то делся, можно сказать, растворился в воздухе, как дым сигарет с ментолом на сквозняке. Остались только старые шмотки да метла.

Вскоре тот самый мужичок дисциплинированно остановил «Опель» умеренной подержанности на перекрестке и принялся ожидать зеленого света. Он достал из бардачка сигарету, закурил, длинно сплюнул в окошко и вдруг выругался в голос. Настроение у него было хуже мерзкого. Этот человек только что дал согласие на то, чтобы пустить под нож последнее подразделение этого профиля в стране, которым он же, собственно, и руководил.

Шустрый не по годам инвалид, конечно же, в камуфляже, чиркнул хилым тельцем о багажник, вынырнул из-за стоящего сзади «УАЗа» для патриотов, подошел, хромя, и остановился совсем близко.

– Помоги, брат. – Калека замер в готовности к чему угодно – от крупной купюры до плюхи.

– Держи, брат. – Дядька, сидящий за рулем, пересыпал в грязную ладонь горсть мелочи, выуженной из карманов.

– Здоровья тебе, брат, счастья.

Нищий успел достичь тротуара, прежде чем зажегся зеле-

ный свет.

– И удачи, – проговорил он уже совсем другим голосом, извлекая из нагрудного кармана небольшой телефон. – Порядок, – сообщил кому-то инвалид. – Курочка в гнезде.

Водитель еще часа полтора кружил по городу. Он лег на нужный курс только тогда, когда убедился в отсутствии наружки.

Ее и не было. Маршрут движения «Опеля» в лучшем виде отслеживался с помощью миниатюрного хитрого приборчика, установленного нищим на корпусе автомобиля в районе багажника.

Потом, ближе к концу маршрута, этот приборчик сняла с машины какая-то весьма нетрезвая мадам. Она раскорячилась посреди дороги и едва не угодила под колеса «Опеля».

Куплет второй

Тюрьма и воля

Москва, конец мая 2012 года. Тепло и сухо

Они опять встретились, но на сей раз не в поганом кафе на окраине.

– Ну?.. – запрыгнув в машину, японский внедорожник средних лет, с ходу задал содержательный вопрос тот самый ухоженный субъект.

В летней одежде он уже не выглядел атлетом. Видно было, что этот товарищ ест много мучного и прочего вкусенького, запивает чем-то крепеньким и мало двигается.

– Добрый день, – ровным голосом отозвался мужчина в очках.

Без зимней бесформенной куртки он уже не смотрелся беззащитным хлюпиком. Напротив, было видно, что человек очень даже в порядке, регулярно утомляет организм нагрузками и еще очень на многое способен, если вдруг понадобится.

– Я вас очень внимательно слушаю, – упрямо гнул свою линию ухоженный тип.

– А кому еще это интересно?

– Не понял. Что вы имеете в виду?

– Я попросил бы вас выключить диктофон, – прозвучало в ответ. – Тот, что в левом нагрудном кармане ветровки.

– Извините. – Изящно упакованный мужчина слегка покраснел, достал из того самого кармана миниатюрный приборчик и нажал на кнопку. – Вы тоже должны меня понять.

– И впредь убедительно прошу больше подобных фокусов не выкидывать, – заявил очкарик.

– Еще раз извините.

– Ладно, проехали. – Мужчина в очках дернул краешком рта, что, судя по всему, должно было изображать улыбку, и продолжил: – Я нашел вашу пропажу.

– Да что вы говорите? – Мужчина в снежно-белой ветровке не сдержался, от радости хлопнул себя по ляжке, повернул к собеседнику приятно разрумянившееся лицо и осведомился: – И где же он?

– Там, где нам его не достать.

– Как это? – Румянец мгновенно сменился бледностью. – Вы же сказали...

– Пока не достать, – заявил очкарик, бледно улыбнулся и полез в бардачок за сигаретами. – А дней через двадцать его можно будет паковать.

– Отлично! – Заказчик обнажил в радостной улыбке зубы безукоризненной работы. – Сообщите, где он, и я немедленно оплачиваю ваши услуги. Кстати, можете рассчитывать на премиальные.

– А вот с этим я бы посоветовал не торопиться. – Владелец машины нажал кнопку на панели, и боковое стекло бесшумно опустилось.

Его собеседник от удивления едва не выронил свою роскошную трубку.

– Почему?

– Если не ошибаюсь, вас интересует не столько этот парень, сколько носитель информации, находящийся при нем.

– Совершенно верно.

– Сейчас этот носитель не у него, – сказал мужчина в очках и аккуратно загасил сигарету в пепельнице.

– Подумаешь, проблема, – заявил джентльмен с трубкой. – Спросим, ответит.

– Не все так просто. – Очкарик покачал головой. – Что вы вообще о нем знаете? – Он внимательно глянул на собеседника. – Понятно, ничего конкретного.

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что единственный способ выполнить задачу – это не суетиться, подождать, когда клиент сам отправится забирать то, что спрятал, и оказаться рядом в нужный момент.

– Я должен позвонить, – решительно заявил заказчик и пулей вылетел из машины.

Через пару минут он вернулся, достал платок и вытер взмокшую физиономию, за короткое время превратившуюся из барской в откровенно бабскую.

– Вам дано добро работать по собственному усмотрению, – проговорил он.

– Значит, будем трудиться, – заявил странный человек в нелепых очках на носу.

– Скажите, а как вам все-таки удалось его отыскать? – спросил мужик, разъевшийся на барских харчах. – Ведь тот человек, который мог опознать...

– Пропал, – закончил за него фразу собеседник. – Но не с концами, – пояснил он. – Я нашел его, и мы очень мило пообщались.

– Да что вы говорите! Теперь понятно.

– Да уж, пообщались. – Мужчина еле заметно усмехнулся. – А толку? Он в последний раз видел клиента в лицо более двух лет назад. С тех пор тот сделал серьезную пластику и выглядит сейчас совершенно по-другому.

– Тогда как же, черт подери, вы смогли его разыскать?

Очкарик в ответ пожал плечами. Как смог?.. Работа такая. Он больше двадцати лет прослужил сначала в КГБ, потом в организациях с другими названиями, но с аналогичными функциями. За это время данный субъект числился специалистом по инвентаризации средств связи, финансовым ревизором и разве что не помощником главного уборщика сортиров. На самом же деле он все эти годы искал тех, кто сбежал и прятался, обязательно находил, а потом закрывал вопрос.

– А вы не могли бы передать нам того человека, которого нашли? Шеф очень хотел бы задать ему несколько вопросов.

– Боюсь, он сейчас не расположен к разговорам.

– И все-таки? – не унимался посланник того самого шефа. – Где он?

– Занимается дайвингом в одной из речек ближнего Подмосковья. Название я, к сожалению, забыл. – Он глянул на часы. – Извините, работа не ждет. С вас причитается такая вот сумма. – Очкарик пробежался пальцами по кнопкам телефона и повернул монитор к толстяку. – Не задерживайте с переводом.

Тот глянул, вздрогнул и заявил:

– Ого! Что-то много.

– А сколько, по-вашему, стоит свобода?

– Какая еще свобода? – удивился тот.

– Условно-досрочная.

Обрывок странного разговора

– Приняли, ведем.

– Поосторожнее там. Мужчина серьезный. Сколько экипажей?

– Четыре, за глаза хватит.

– Ну, дай бог.

Глава 7

Нынче мне дали свободу. Что я с ней делать буду?

Россия, Приуралье, начало лета 2012 года.

В последнюю ночь здесь спать как-то не принято. Вот и я ворочался с боку на бок на козырной койке с престижной панцирной сеткой, стоявшей в углу. Курил, выходил пить воду, пахнущую весьма мерзко и еще более противную на вкус, отдающую сразу всей таблицей Менделеева. Мне было о чем подумать.

Дико извиняюсь за хамский вопрос: лично вы когда-нибудь сидели? Не толстой задницей в навороченном ортопедическом кресле, а в санатории закрытого типа под охраной, с колючкой поверх забора и вышками по периметру, надежно ограждающими свободных граждан от вашего общества? Да-да, именно там, в тесной компании «козлов», блатных и прочих скромных ударников ватно-швейного производства? Вам хоть изредка вспоминается суп «могила», каша «полиэтилен» и вершина тамошнего кулинарного искусства, именуемая гидрокурицей или колбасой с глазами? А чудная вонь с помойки у барака?

Нет? Это еще почему? Ах, то была ошибка молодости, и судимость давно снята.

Тогда нет смысла расписывать в цветах и красках всю гамму чувств, охватывающих человека в, извините за выражение, сакральный момент расставания с родной исправительной системой. Скажу так: я должен был быть безбрежно счастлив. Но не был.

Десять дней назад я предстал перед светлыми очами хозяйина зоны, заплывшими трудовым жирком. Только было открыл рот, чтобы представиться как положено, и тут...

– УДО тебе вышло, Зотов, – сообщил он, еще раз глянул в официальную бумагу с печатью, лежащую перед ним на столе, сморщил не очень-то высокий лоб и изрек: – Не въезжаю.

В отличие от гражданина начальника, я въехал во все и сразу. А потому загрустил. Да-да, именно так.

Дело в том, что в тот самый момент я находился именно там, где мне было надо, и не собирался менять место прописки еще по крайней мере полтора года. Даже слегка подсуетился, чтобы этого не произошло.

Шесть месяцев назад вышел ровно год с того дня, как я находился в местах не столь отдаленных. Третий от назначенного срока. В соответствии с нашим гуманным законодательством я имел полное право наекнуть Отчизне, что больше вести себя плохо не буду, и просить ее об условно-досрочном освобождении. Мне светило даже получить его, естественно, лишь в том случае, если бы я являлся примерным заклю-

ченным, твердо вставшим на путь исправления, полностью и глубоко раскаявшимся в том, что ранее содеял.

С этим-то у меня как раз полный порядок. Я раскаялся в совершенном правонарушении еще до того, как оно, собственно, произошло.

Проблемы в другом. Согласно закону для получения УДО необходимо наличие благодарностей от администрации и отсутствие взысканий. А вот с дисциплиной-то у меня как раз проблемы. За две недели до истечения трети срока я умудрился трижды опоздать на разного рода построения, нахамить контролеру и утратить казенные тапочки от кутюр, вернее, тайком утопить их в отрядном туалете сортирного типа.

Полгода спустя я опять со свистом пролетел мимо свободы. Сорвался, понимаешь, начистил рожу одному старательному отрядному стукачу и угодил на трое суток в штрафной изолятор.

Стоит ли говорить, что после всего этого условно-досрочный вопрос отпал напрочь? Теперь мне уж точно предстояло отбывать срок от звонка до звонка.

– Ни хрена не въезжаю, – повторил подполковник и на всякий случай вздохнул: – Ладно, Зотов, иди.

Я натянул на лицо блаженную улыбку идиота и пошел себе. Десять дней, оставшиеся до законного выхода на свободу, мне предстояло передвигаться танцующей походкой балеруна, громко смеяться без всякого повода, вслух строить планы на будущее, словом, безудержно радоваться счастью,

привалившему нежданно-негаданно.

Будь моя воля, оставшиеся полтора года я проторчал бы именно здесь, благо устроился просто на зависть. Отбыл бы положенный срок и ушел отсюда куда подальше с чистой, как горные снега, совестью и спокойной душой. Всеми забытый, прямо как рэпер из девяностых. На фиг никому не нужный.

Не получилось. Мне вдруг дали свободу, о которой я как-то не удосужился попросить. А это значило, что план спрятаться и переждать возникшие проблемы внутри системы, казавшийся мне очень даже неплохим, с треском провалился. Разыскали-таки, волки позорные, и ждут, падлы рваные, за воротами родного ИТУ. Грустно.

Глава 8

Нас примут радостно у входа

Что ни говори, а первые минуты на воле – это нечто. Я покинул гостеприимное учреждение, в котором меня старательно пытались исправить созидательным трудом, комфортом, изысканным обществом и элитарной кухней. Прогулялся к кирпичной избушке остановки, развалившейся еще в прошлом веке, сбросил с плеча старенький рюкзак со всем, что сподобился нажить непосильным трудом, и присел рядышком на корточки. Не потому, что полюбил так сидеть за полтора года, а оттого, что скамейки внутри развалин не было. Выломали, сволочи такие, и унесли.

Присел я, значит, неторопливо закурил и принялся ждать того, что случится раньше: приезда автобуса или какого-нибудь сюрприза.

А не много ли, спросите, я о себе воображаю? Подумаешь, какой-то Зотов В. К., три года общего режима за хулиганку плюс легкий грабеж. Кому я, спрашивается, такой красивый и отважный, нужен?

Нужен, получатся. Да еще как. Потому что...

Побитая «восьмерка» цвета заката в джунглях вывернула с грунтовки, подкатила и остановилась. Водила, здоровенный красномордый мужик, перегнулся, распахнул правую переднюю дверцу и поманил меня пальчиком размером

с парниковый огурец.

– Зотов, подь сюда.

Прапорщик Кузьмин, он же Кузя из моего отряда. Веселое пустоголовое трепло, пьяница, обжора, врун и хохотун. «Хороший парень, – обычно говорят люди о таких персонажах, а потом обязательно добавляют: – Но дерьмо редкостное».

– Что, начальник? – с корточек я встал, но шаг к машине сделал чисто символический.

– На волю, значит? – И как он только догадался?

– Уже на воле, – отозвался я.

– Падай. – Прапор хлопнул мясистой ладонью по сиденью. – Так и быть, подброшу до станции.

– Спасибо, как-нибудь сам.

– Сам будешь до вечера ждать, – сказал Кузя и как-то натужно улыбнулся. – Автобус-то два раза в день ходит.

– А куда мне спешить? – Я, в свою очередь, расплылся в улыбке. – Вся жизнь впереди.

– Ты что, совсем в натуре?.. – завелся было прапор, но мужик, приткнувшийся на заднем сиденье, похлопал его по плечу. – Ладно, мое дело предложить, – заявил он и аккуратно затворил дверцу.

«Восьмерка», в просторечии «зубило», взревела, как стадо слонов, выпустила струю вонючего дыма и покатила куда-то.

Автобус, кстати, подошел минут через десять. Я забрался в полупустой салон, дисциплинированно оплатил проезд и

устроился спиной к водителю. Дверцы со скрипом затворились, престарелое детище Львовского автозавода не по возрасту бодро запрыгало по ухабам.

Очень скоро к нам присоединилась все та же «восьмерка». Видно, прапор с попутчиком вдруг, не успев расстаться, сильно по мне соскучились.

На въезде в город я попросил водителя остановиться, выскочил из автобуса и пулей рванул к баракам у обочины, разрушенным в ходе бомбежки или, как сейчас принято говорить, операции по восстановлению конституционного порядка. Я оглянулся. Пассажир с заднего сиденья стремительно меня нагонял. Парень явно был в прекрасной форме, а я – не так чтобы очень.

Я завернул за угол, отбросил в сторону рюкзак, подхватил с земли березовое поленце и нырнул в дверь, держащуюся на одном гвозде и честном слове. Забежал за угол и, сдерживая дыхание, замер.

Мой преследователь пинком растворил дверь, вошел, достал что-то из кармана и резко взмахнул рукой. Прозвучал характерный щелчок.

– Зотов, – негромко, как-то ласково проговорил он, постукивая дубинкой-раскладушкой по ладони. – Где ты? – Мужик аккуратно переступил через ржавое корыто, валявшееся на полу. – Выходи, Валек, не бойся.

А я вот взял да испугался. Дождался, пока он подойдет поближе, и приложился поленом. Туда, где мускулистая шея

незнакомца смыкалась с коротко обстриженной черепушкой. Не слишком сильно, но и без особой жалости. Подхватил падающее тело и уложил на пол. Содрал с широких плеч ветровку, снял с головы бейсболку и быстренько напялил все это на себя. Приоткрыл дверь. Машина стояла совсем рядом.

– Ну и чего? – спросил прапор, вылезая из личного транспортного средства.

Я молча махнул ему рукой, дескать, подходи.

– Чего? – повторил он, зайдя вовнутрь.

Кузя словил хорошую плюху тем же поленом по тому же месту, икнул, пошатнулся и опустился на колено. Я подошел и несильно придавил пальцем точку за ухом. Вот тут-то он вырубился по-настоящему.

Потом я осторожно загнал машину в пустой сарай и проверил, надежно ли связан прапор. Здоровые, доложу вам, организмы служат у нас во внутренних войсках вопреки тяготам, лишениям и нищенской, с их точки зрения, зарплате. Я едва не надорвался, кантуя его тушу. Проверил, есть ли пульс. Таковой в наличии имелся, а еще присутствовал хороший выхлоп от спиртного, выпитого накануне.

Потом я начал приводить в чувство его напарника, не особо церемонясь при этом. Получилось. Мужик застонал и открыл глаза.

– Привет! – Я уселся рядышком и закурил трофейную сигаретку с фильтром. – Ты как?

Свой ответ он высказал со всей полнотой чувств.

– Значит, нормально. – Я придвинулся к нему поближе. – Ну и что скажешь?

Ничего толкового он мне поначалу, конечно же, не сообщил. Ругаться начал, пугать страшными карами, нести всякие глупости сквозь зубы и все такое. Потому что был или, по крайней мере, считал себя первым парнем во всем мегаполисе из пяти улочек и трех тупиков. Ему было до рези в подмышках обидно, что какой-то баклан с общей зоны взял и подловил его, как дитя малое. Да еще и вопросы начал задавать.

Все равно мы потом подружились и разговорились. К любому человеку, даже самому крутому, можно подобрать ключик, если очень постараться. Я когда-то вполне себе неплохо умел это делать. С тех пор, как выяснилось, не разучился.

После этого я добрался маршруткой до станции, миновал ряды бабок, торгующих с ящиков, поставленных на попа, огурчиками да луком, выращенными на собственных сотках. Я кое-что у них прикупил. Витамины после лагерной диеты мне ох как не помешают.

Затем я пересек железнодорожное полотно, остановился, сдвинул на затылок бейсболку, отжатую у противника, и принялся осматриваться. Однако неплохо. Парочка так называемых мини-маркетов с привычным ассортиментом, далее двухэтажный торговый центр, крохотная лавчонка военной одежды и даже «Спортмастер». То, что надо.

Время, остающееся до прихода нужной мне электрички, я

решил занять шопингом. Благо деньги были. Кое-что получил на дорожку от смотрящего зоны, остальное прихватил у той сладкой парочки.

Глава 9

На дальней станции сойду

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...»

Что будет потом, я не расслышал и выгрузился из вагона электрички на станции с названием Лесная, крайне редким в этих краях. Приблизительно в ста тридцати километрах к юго-востоку от областного центра, где должен был, по идее, сесть в поезд и направиться к месту собственного постоянного жительства, то есть в город Вязьму.

Таким вот образом я в третий раз за сегодняшний день нарушил правила условно-досрочного освобождения. Это с учетом того, что рано поутру ограбил двоих мирных законопослушных граждан, предварительно нанеся им телесные повреждения разной степени тяжести.

Все-таки права была администрация родного ИТУ. За полтора года, проведенные в ее стенах, я не осознал и не встал на путь исправления.

А вот не фиг было меня оттуда выгонять. Сидел бы и дальше на полном государственном обеспечении, прямо как гарант конституции или даже наследный принц. Всем на радость.

Электричка свистнула и ушла. Я вернулся на полкилометра назад, обогнул пруд, заросший зеленоватой противной ряской, вошел в редкий подлесок и побрел, не особо торо-

пьясь, по узкой, еле заметной тропинке. По пути я с большим удовольствием заглывал свежий воздух, не содержащий ни малейших примесей зоновской вони.

Идти поначалу было, конечно же, трудновато. Все-таки колония общего режима – это вам не спортивная база и не санаторий. Потом дело пошло на лад. Я пропотел, продышался и втянулся.

Первый привал я объявил сам себе строго через полтора часа, на целых тридцать минут. Посидел, попил водички, заодно и переобулся. Дальше мне предстояло идти по достаточно диким местам. К таким переходам следует относиться серьезно.

Помните отечественный блокбастер «Охота на пиранью»? Там главный герой, ясен пень, перебил всех супостатов и в очередной раз спас мир. Это бы еще ничего. Так он вдобавок несколько дней пер как трактор по тайге в гламурных кедах на тонкой подошве. Хотел бы я посмотреть... Хотя ладно, на то оно и кино.

К вечеру я изрядно вымотался, хотя прошел всего ничего, километров пятнадцать, никак не больше. Разбил лагерь под скалой у входа в пещеру. Поел и принялся вдумчиво, с особенным удовольствием пить чай. Первый на воле, оттого невероятно вкусный. Я осилил половину котелка, вальяжно покурил, потом добавил в кружку еще чуток остывшего темно-коричневого нектара, привалился спиной к сосне и задумался.

Спать, кстати, не хотелось категорически. Правильно, получается, говорили знающие люди. Первая ночь на воле и последняя за колючкой – всегда бессонные.

Что ж, давайте итожить. Не успел я выйти оттуда, где должен был находиться, как меня встретили и попытались прихватить. Ни те двое придурков, ни «уважаемые люди» районного масштаба, пославшие их на подвиг, не имели ни малейшего понятия о том, кто я такой. Ребятам использовали втемную. В противном случае за воротами меня ожидал бы куда более многочисленный и квалифицированный коллектив.

А кто я, собственно, такой? Да уж точно не Зотов Валентин Константинович, одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года рождения, постоянно проживающий в городе Вязьма Смоленской губернии по улице Буденного. У меня, к вашему сведению, совершенно другое имя, фамилия и отчество. В «родном» городе за все прожитые годы я так и вовсе не сподобился побывать. Даже мимо ни разу не проезжал.

Я уж точно никакой не хулиган и грабитель, а вполне добродушный гражданин. Офицер доблестной российской армии, целый майор, наверное, уже бывший. Служил я в одной очень даже приличной организации под названием Главное разведывательное управление, сокращенно ГРУ. Занимался очень нужной, хотя и несколько экстравагантной работой. Я специалист по нестандартным ситуациям, или, как говорит мой старший товарищ, напарник и учитель Георгий

Михайлович, чистодел.

Глава 10

Who есть кто

Если в смерти человека кто-то серьезно заинтересован, то его обязательно отправят к праотцам с прабабками. Пару лет назад натолкнулся я на интервью с неким выдающимся русским патриотом, где тот на полном серьезе расписывал, как кровавый гебистский режим регулярно подсылает к нему наемных убийц. Читал и ржал, как в детстве в цирке.

Еще раз повторяю, ни у кого не получится остаться в живых, если по его душу снарядят грамотных спецов. Это без вариантов. Настоящие мастера, уверяю вас, сделают все в лучшем виде и на любой вкус: застрелят, взорвут, отравят, сожгут или просто забьют до смертидохлыми свиньями.

Иногда, в особых случаях, смерть может наступить от естественных причин. Это когда человек, здоровый как бык или космонавт перед полетом, переселяется в мир иной, подавившись котлеткой, наступив на кусок мыла в душе, поскользнувшись на лестнице или ощутив легкое головокружение с летальным исходом на балконе. Бывает даже, что его находят мертвым в комнате, запертой изнутри.

Несколько раз я и сам был той самой естественной причиной. Скажу точно – восемь.

Каждая подобная акция требует тщательной подготовки и тонкого, прямо-таки ювелирного исполнения. Это вам не ло-

хов мочить по подъездам из одноразового китайского «ТТ».

Тот мужик, которого я работал осенью позапрошлого года, был буквально помешан на собственной безопасности. Этот вопрос он понимал и решал по-своему. Он почти не выезжал из дома, превращенного чуть ли не в Форт-Нокс, окружил его забором в два человеческих роста, понатыкал везде датчиков, а в охрану набрал десяток отставных парашютистов из иностранного легиона. Этот дурачок решил, что теперь его не достать.

Достали, еще как.

Он вошел в кабинет, цокая каблуками по паркету, начищенному до зеркального блеска, радостно хихикнул, как будто только что узнал что-то невероятно интересное, на ходу расстегнул пиджак. Клиент снял его, небрежно отбросил в сторону и принялся возиться с пуговицами рубашки.

Тут появился я. Вы будете смеяться, из-за портьеры. Легкое прикосновение к нужной точке на голове ввело простачка в транс. Затем я аккуратно подсек болезному ноженьки и, придерживая за подбородок ладонью, скорректировал направление падения тела. Получилось очень даже прилично.

Клиент с размаху приложился основанием черепа об угол старинного письменного стола. Антиквариат выдержал удар, череп – нет. Картина маслом: скользкий паркет, громоздкий старинный стол. Классический несчастный случай. Отдельное спасибо покойному за то, что его любовь ко всему этому антиквариату с раритетами здорово облегчила мне работу.

Я извлек из внутреннего нагрудного кармана покойника металлический футлярчик, отвинтил крышку, достал сигару и повертел в руках. Никакая это оказалась не сигара, обычный, прекрасно изготовленный муляж. Я раскрутил ее против часовой стрелки. Вуаля! Крошечный металлический тубус с флеш-картой внутри. Что и требовалось доказать.

По условиям задания я должен был не только успокоить клиента, но и разыскать некую необычайно важную вещь, принадлежавшую ему. Она без проблем обнаружилась при предварительной слежке. Некурящий потенциальный покойник постоянно таскал с собой эту самую сигару, время от времени доставал ее из футляра, нюхал, вертел в руках, разве что не облизывал. Видно, ему доставляло большое удовольствие постоянно держать эту штучку под рукой.

Я достал из сумки на поясе точно такой же футляр, припасенный заранее, и уложил в карман чужого пиджака. Потом ушел точно так же, как и пришел, тихо и скромно. Ни один датчик не мяукнул мне вслед.

Хваленые импортные секьюрити даже не дернулись, продолжали бдительно охранять остывающее тельце. Парашютисты, как известно, вояки знатные, с неба об землю – и сразу в бой. Не понаслышке знаю, сам учился в Рязани, а потом чуть больше года командовал взводом. А вот охранники из них – никакие.

Я сделал крюк в полкилометра, чтобы ненароком не угодить в зону видимости камер наружного наблюдения, вышел

из кустов на дорогу, отряхнулся и нажал на кнопку брелка. Машина, припаркованная на обочине, пискнула и мигнула огнями. Я залез в салон и завел двигатель.

Не таким уж и сложным оказалось это вот мое задание. Не крайнее, а именно последнее. Я давно уже все для себя решил. Осточертело, знаете ли, шляться по планете и постав-лять клиентуру мерзкой старухе с косой. Пора, однако, на заслуженный отдых. Точно, самое время.

Женюсь, обзаведусь потомством, куплю дачу в подмос-ковной деревне, часы с кукушкой и канарейку в клетке. При-учусь пить пиво, отращу пузо, полюблю проводить вечера перед телевизором. Словом, начну жить нормально, как все. Давно уже пора. Хватит этих хождений по туго натянутой проволоке, без лонжи, зато с гранатой в заднице.

Глава 11

Мы славно встретились

Все как всегда, вполне нормальное задание. Вроде работал как обычно, а рвануло до небес. Накаркал!

Проблемы, причем очень даже интересные, начались буквально через несколько часов, когда я согласно инструкции доложил в центр о выполнении работы. Языком Эзопа, по навороченному телефону, стоящему столько же, сколько не самая скромная квартира, расположенная в пригороде Парижа.

Руководство распорядилось передать изделие сегодня же.

– Через тайник? – уточнил я.

– Лично, – последовал ответ. – Человек уже выехал, будет в стране ближе к вечеру.

Я, мягко говоря, обалдел, тут же затребовал подтверждение и немедленно его получил. Да, все именно так, личная встреча.

– Не понимаю, – взбрыкнул я.

– Исполнять! – последовал жесткий приказ.

– Есть! – по-военному четко ответил я и пошел со злости выпивать.

Но на полдороге передумал, принялся усиленно морщить репу и напрягать серое вещество.

Почему, спрашиваете, я так удивился? Подумаешь, про-

блема. Пересекся в указанном месте, произнес фразу типа: «У вас продается кровать эпохи Карла Шестого Красивого?» – выдуманную умниками из центра, услышал в ответ подобную же ахинею. Мол, кровать уже продана, остался только жидкий стул Марии Стюарт. Передал сигару с флешкой и пошел себе с песней дальше по жизни. Всего-то и делов.

Не сходится. Я который уже год состою в нелегалах ГРУ, что означает всего-навсего то, что меня как бы нет в природе. Ни в каком виде.

В штате родного учреждения я тоже не числюсь. Не хожу по утрам в контору, не просиживаю штаны с девяти до восемнадцати в кабинете с табличкой «Душегубы» на двери, не посещаю в обеденный перерыв служебную столовую, не вступаю в личные контакты с сослуживцами. Вообще ни с кем не общаюсь, не считая Константина Павловича, шефа и престарелого опера Георгия Михайловича.

Моя последняя встреча с командиром имела место более года назад, еще до того, как мне сделали пластическую операцию. С Михалычем, как я его называю, коллегой и наставником, вижу чуть чаще, но не более трех раз в год. Нам иногда приходится работать вместе.

Кстати, я тут же и позвонил ему. Мне очень хотелось узнать, что ворчливый старик думает по этому поводу. Но поговорить не получилось. Его телефон молчал, как рыба налим под корягой.

Я зашел в полупустой бар, заказал крепкий кофе, ополовинил чашку, закурил и принялся грустить по себе, любимому. Судя по выбору места и времени встречи, центр принял нелегкое, но единственно верное решение: списать меня, к чертовой матери, на боевые потери. Без выходного пособия.

Почему я так решил? А что вы сами подумали бы, если бы кто-то пригласил вас обсудить наболевшие деловые вопросы в полночь на кладбище, а?

Мне было назначено randevу в половине первого ночи на территории промышленной зоны, давно заброшенной и расположенной в восточной части Парижа. Здесь такие дивные уголки тоже встречаются. Милое, доложу вам, местечко. Тихое, особенно ночью. Очень удобное для того, чтобы без помех разобраться с кем надо, а потом прикопать безжизненное тело в тамошней земле. Можно присобачить груз к ногам покойника и отправить его принимать водные процедуры в мутную речушку с труднопроизносимым названием, протекающую неподалеку. Грустно, девицы.

Я залпом допил кофе, бросил на столик несколько мелких монет, встал и направился к выходу.

Заслуженный специалист узкого профиля Михалыч крепко вбил мне в голову, что если возникают проблемы, то сразу же убегать от них не имеет смысла. Сначала надо разобраться в сути дела и только потом встать на лыжи либо попытаться решить спорные вопросы. По мере поступления таких. Значит, пойдём в указанное место, встретимся и опре-

делимся по ходу, как жить дальше.

Мы славно встретились и странно разошлись.

– Что?! – Шеф, всегда спокойный, как дохлая черепаха, первый раз на моей памяти повысил голос: – Повтори!

Приказ начальника – закон для подчиненных.

Я еще раз поведал грустную историю, случившуюся со мной и некоторыми другими людьми. На сей раз в цветах и красках, подробно. А потом как бы между делом поинтересовался, не собралась ли родная служба предоставить мне бессрочный отпуск и место для его проведения.

– Не дури! – буркнул в телефон дорогой начальник. – Контора здесь не при делах.

Я сразу же ему поверил. Потому что действовали эти ребята лихо, но до боли непрофессионально. Прикатили втроем на место randevu за сорок две минуты до назначенного времени. Один, весьма прилично одетый мужчина средних лет, встал под единственным на территории фонарем. Двое других, молодые, широкоплечие и вооруженные всякой всячиной с глушителями, попрятались. Один сховался за горой металлолома, второй – за машиной. Все дружно принялись меня ждать.

К слову сказать, совершенно напрасно. Я давно уже был там. На встречи подобного рода в приличном обществе принято являться заранее.

– А кто тогда при делах? – сварливо поинтересовался я. – Эти ребята не шутили.

– Надо было спросить, – подсказал шеф. – Ты же с ними побеседовал или сразу всех списал?

– Немного пообщался, – признался я.

– Что сказали?

– Планировали забрать у меня изделие, а потом приобрести к водным видам спорта. – Я опять начал заводиться. – У них в багажнике, чтоб вы знали, мешок цемента, тазик, трос и два блина от штанги.

– Интересные дела, – проговорил шеф. – А кто они такие... были? – спросил он совершенно спокойно, даже слишком.

– Наемники. Задание и аванс получили через посредника.

– Его координаты?

– Он сам на них выходил, когда было надо.

– Точно?

– Будьте уверены. – На меня вдруг навалилась усталость. – Я хорошо спрашивал, с пристрастием.

– Понятненько. – Шеф немного помолчал, потом осведомился: – Надеюсь, ты там прибрался?

– Более или менее. – Я полез было за сигаретами, но вспомнил, что курево закончилось еще час назад, и вполголоса чертыхнулся.

– Что ты сказал?

– Это я о своем.

– Значит, так! – решительно изрек отец-командир. – Прямо сейчас дуй в аэропорт и первым же бортом лети домой.

Нечего тебе там делать.

– Есть!

– Сразу по прилете выйдешь на связь, будем вместе разбираться. Все понятно?

– Предельно, – ответил я, отключился и покинул гостиничный номер.

Потом я немного прогулялся по набережной, купил сигарет в ночном баре. Зашел на мост. Постоял, покурил. Достал тот самый навороченный телефон, в который уже раз набрал номер Михалыча с тем же результатом.

Я вытянул руку, разжал пальцы, услышал бульканье и остался без средств связи с центром. А он – со мной.

Не такое уж и глупое решение. Как говаривал все тот же Михалыч, в свое время обучавший меня ремеслу тихого душегуба, когда земля начинает гореть под ногами, лучше всего зашхериться в каком-нибудь месте, малодоступном для посторонних личностей. Сократить до минимума число контактов. Отлежаться, разобраться в проблеме, а потом уже действовать. Строго по ситуации.

Глава 12

За решетку как на праздник

И все-таки я вернулся. Трудно объяснить, почему и зачем. Может, из-за природной любознательности, но вернее всего по причине упертой бараньей глупости. Обиделся, видите ли, и решил во всем лично разобраться.

Я добирался до Москвы почти две недели. Сначала заскочил в Турцию, сменил там документы и двинул с группой веселых челноков в Киев. Поторчал в столице независимой четыре дня, а потом нелегально рванул через границу на родную землю.

Не подумайте ничего такого. Я не крался, нацепив на ноги кабаньи копытца, темной ночью через леса и овраги, не обходил пограничные посты и секреты. Мне не пришлось испуганно потеть и вздрагивать от каждого шороха.

Все произошло куда прозаичнее. Я просто занес кому-то на полторы тысячи в местной валюте, загрузился в микроавтобус и спокойно доехал до Брянска. Добраться оттуда до Москвы было еще проще.

В столице нашлись люди, которые на славу подготовились к моему приезду. Я понял это, когда сунулся в банкомат за наличными. За каждую проведенную акцию мне переводятся достаточно приличные деньги. Потом я перегоняю их на другие счета, известные только мне. За годы работы на них

собралась достаточно приличная сумма.

А тут выяснилось, что какие-то смышленные ребята успели разобраться в моих финансовых делах, разузнать, где и что хранится. Счета в двух банках оказались заблокированы. В третий я даже не стал соваться, потому что по условиям договора мог снять деньги со счета, только явившись туда лично. Ага, прямо сейчас.

На квартире меня ждала засада. По резервному адресу, известному только мне, шефу и напарнику, нарисовалась та же картина.

Сам шеф на встречу со мной не пришел. Вместо него на обычно пустынную аллею Нескучного сада вдруг заявила целая группа подчеркнуто выраженных типажей: студенты спортивного вида, широкоплечие алкоголики и даже пара мускулистых домохозяек. А еще в кустах вертелся бомж с ушами как пельмени и ладонями размером с совок лопаты для уборки снега. Он якобы собирал там бутылки.

Я лично наблюдал эту мыльную оперу в бинокль, и было мне совсем не смешно. Говорили же дураку старшие, в смысле старик Михалыч, что нелегал, он и в России нелегал. Надо было не жалеть денег и времени, подобрать по Москве и области штук пять квартир. Было бы где отсидеться.

Я выгреб из одного тайника наличку, из второго – паспорт. Самый настоящий, с пропиской в городе Вязьме Смоленской области. Пересчитал денежку, получилось не так уж и много, максимум на пару месяцев жизни в столице.

Особенно с учетом того, что меня старательно искали, причем достаточно успешно. Один раз едва не сцапали. Хорошо еще, что я сам не пошел забирать вещи со съемной квартиры, а послал аборигена, мающегося похмельем.

Вы спросите, как можно разыскать в многомиллионном городе человека, внешность которого неизвестна? Вполне реально. Во-первых, возраст, рост и телосложение пластической операцией не изменишь. Во-вторых, если очень надо, то зацапают сколько угодно людей, внешне хоть как-то похожих, а потом лишних отпустят. Может быть.

Когда я понял, что несколько погорячился с возвращением, петля вокруг моей шеи уже затягивалась. Надо было срочно куда-то деваться, чтобы тихонько отсидеться.

Я позвонил по одному номеру, поговорил с автоответчиком. Тот сообщил, что абонент находится по делам в Европе и вернется никак не раньше чем через три недели. Второй номер я даже не стал набирать, потому что единственное убежище – это все равно что полное отсутствие такового.

Я загрустил, но тут-то мне в голову и пришла та самая мысль, на первый взгляд нелепая, как «Майн Кампф» на идиш, но при дальнейшем рассмотрении признанная не такой уж и дурной. Я решил годика на два-три устроиться на полный государственный пансион с надежной охраной и гарантированным трехразовым питанием, то есть загреметь на нары. Я подозревал, что такой дурости никто от меня не ожидал, так что могло и проканать.

Оказаться за решеткой в нашем обожаемом Отечестве так же просто, как дважды два об асфальт. Любой гражданин России, если он, конечно, не депутат, крупный чиновник или олигарх, запросто может очутиться в местах не столь отдаленных. Причиной отсидки станет любая чепуха, к примеру курица, сворованная вами у соседа, сопротивление властям в виде недостаточного восторга от получения дубинкой по почкам, физиономия собутыльника, слегка покорябанная вашими руками.

Если вы совершенно чисты перед законом, то не расстраивайтесь. Правонарушение или даже преступление вам заботливо придумают и тут же уговорят вас в нем сознаться. Был бы, как говорится, человек хороший, а уж без статьи его не оставят.

Что же касается вышеперечисленных категорий российских граждан, то у них с лишением свободы наблюдаются серьезные проблемы. И деньги-то они воруют в заоблачном количестве, и государственными секретами торгуют как семечками, и сограждан давят насмерть персональным транспортом на пешеходных переходах, а то и вовсе даже на тротуарах, один черт, в тюрьму попасть не могут. Ну никак.

Я заявился вечерком в третьеразрядное кафе на «Щелковской». Присел за столик, заказал и употребил. Повторил заказ и опять залил водочку в себя. Не столько, правда, выпил, сколько пролил на грудь, чтобы добиться нужной вони, ибо дури у меня и своей было просто в избытке.

Я внимательно осмотрелся и сразу наметил подходящих персонажей. Именно с ними меня в самое ближайшее время и должна была столкнуться судьба.

Это были здоровенный, мордатый, изрядно потасканный самец в коричневом костюме и тетка с фиолетовой физиономией и длинной рыжей косой толщиной в руку. Они успешно освоили бутылку водки, закусили это дело салатом оливье, ожидали горячего и всюю радовались жизни. Кавалер что-то нашептывал даме на ушко, осваивал на ощупь ее выпуклости и впадины. Та визгливо хохотала, кокетливо прикрывая рот ладошкой.

– Эй, овца! – проорал я на весь небольшой зал. – Громкость убавь!

– Чего?! – Здоровяк обалдел от такой наглости.

Он достал руку из выреза на платье своей пассии, не торопясь поднялся на ноги, нелегкой походкой матросской подошел ко мне, ухватил за шиворот и выдернул из-за стола так же легко, как редиску с грядки. Этот милейший человек потряс меня как грушу, аж зубы клацнули, от души размахнулся, но вдруг прошептал: «Ой», согнулся и ухватился руками за ширинку.

Я от души добавил ему кулаком по загривку, потом приблизился к мадам, широко распахнувшей рот, явно собирающейся заверещать, и дернул ее за косу, да так, что та осталась у меня в руках. Потом я забрал со стола лакированную дамскую сумочку, обошел кавалера, валяющегося на полу и

держашегося двумя руками за первичные половые признаки, и вернулся к своему столику.

Там я вытер трофейной шерстью лицо, взмокшее от невероятных физических усилий, вытряхнул содержимое сумочки на стол и накатил еще водчонки. Потом я взял трофейный розовый мобильник со стразами и принялся названивать по номерам барышень, отличавшихся моральной подвижностью. Они были указаны в какой-то рекламной газетке, вывалившейся из той же сумочки. Я настойчиво приглашал девушек как можно скорее подъехать и насладиться жизнью в моем обществе.

Первыми, однако, подкатили менты. Они с ходу оценили обстановку и приняли единственно правильное решение. Стражи порядка уложили меня на пол мордой вниз, пару раз дали по заднице дубинкой, потом завернули ласты за спину, окольцевали, затолкали в машину с решетками и увезли.

В околотке меня забросили в камеру с двумя бомжами и чисто конкретным пацаном из Кызыла и забыли там. Часов через сорок менты вдруг вспомнили о моем существовании, извлекли из узилища и потащили на допрос.

– Ну так что, злодей? – Следак был бодр, деловит, одет не по зарплате и явно с серьезного бодуна. – Влип?

– Получается, что да, – чистосердечно сознался я. – А что было-то?

– Много чего разного, – пояснил тот, поблескивая красными, как у графа Дракулы, глазками. – Скажи лучше, на

фига ты у тетки шиньон оторвал? – Он достал из ящика стола пачку сигарет, закурил и любезно угостил меня.

– Какой еще шиньон? – обалдел я. – На хрена он мне сдался?

– Тебе виднее, – сказал следак и с удовольствием рыгнул, заполнив помещение мощным запахом перегара.

– Что теперь со мной будет?

– Значится, так. – Следователь извлек из внутреннего кармана пиджака плоскую металлическую флягу и сделал пару глотков. – На волю хочешь?

– Еще как хочу, – почти искренне ответил я. – А что для этого надо?

– Сущие пустяки, – отмахнулся служитель закона. – Пару штук тому мужику на поправку органов. Трешку той козе. – Он хмыкнул. – Извини, на меньшее не соглашается, уж очень она на тебя обижена. Два плюс три получается...

– Пять, – поспешил я продемонстрировать собственную умность.

– Ответ неверный. – Следак явно лучше меня выучился арифметике в школе, конечно, милицейской. – Получается ровно десять штук.

– В баксах?

– Да уж не в шекелях. – Он бросил на стол навороченный мобильник. – Срок – двадцать четыре часа, время пошло. Звони.

– Некому, – с горечью признался я. – Друзья на мели, быв-

шая ни гроша не даст, наоборот, приплатит, чтобы закрыли. Мать на пенсии.

– Ну и хрен с тобой. – Следователь тут же потерял ко мне всяческий интерес, извлек из портфеля стопку бланков, достал из кармана самый настоящий «Паркер». – Приступим, помолясь. Фамилия, имя, отчество?

Я обхватил забубенную головушку руками и застонал в голос, старательно входя в роль по системе Станиславского. Это у меня вполне получилось.

Ничего страшного, срок дадут чисто символический, наверняка отправят на общий режим. Как-нибудь проживу. Скорее всего, очень даже неплохо. Потому что... но об этом после.

– А условно никак нельзя? – спросил я с надеждой на отрицательный ответ.

– Сам же сказал, что бабок нет, – равнодушно отозвался следак.

Потом он пододвинул ко мне листы, извлек из портфеля и бросил передо мной на стол старенькую, обгрызенную шариковую ручку, ткнул пальцем.

– Вот здесь: «С моих слов...» – Служитель закона дождался, пока я подпишу бумаги, встал и двинулся к выходу.

– А сколько мне дадут? – жалобно пропищал я вслед.

– От двух до пяти, – не оборачиваясь, бросил он.

Следак как в воду смотрел. Прокурорша, тощая злобная тетка предпенсионного возраста, требовала как минимум

пятерик ввиду особой наглости и циничности совершенно-го преступления. Казенный адвокат что-то гундосил о демократии и трудном детстве своего подзащитного. Сам подсудимый, то есть я, сморкался, пускал слезу и ныл, что больше не будет.

Судья, толстенный, красномордый, обильно потеющий мужик в засаленной мантии не по размеру, слушал всех нас без особого внимания.

– Три года в колонии общего режима, – пропыхтел он, и полетел я белой птицей в казенный дом на отсидку.

Куплет третий

Через реки, горы и долины

Ближнее Подмосковье, июнь 2012 года, жара

– А потом он позвонил и заявил, что договор между нами расторгается, – проговорил тот самый мужчина, который пару раз встречался с представителем заказчика, отхлебнул чайку из стакана и отставил посуду в сторону.

По случаю аномальной жары на нем были только старенькие джинсы, обрезанные чуть выше колен, и синяя футболка, полинявшая от многочисленных стирок. Очков на нем в этот раз не было, отчего лицо казалось совершенно другим. Для тех, кто не в курсе: стекляшки на носу или отсутствие их порою сильно меняют облик.

– Хоть заплатил? – лениво полюбопытствовал дядечка средних лет в полотняных брючках и светло-серой рубашке навыпуск.

Если присмотреться, в нем можно было признать того самого мужичонку, который когда-то на окраине столицы принимал заказ на устранение двух клиентов и такого же количества исполнителей. Вы помните, что он даже слегка комплексовал по этому поводу.

По словам бывшего сотрудника КГБ, этот субъект уже месяц должен был служить кормом для речной фауны самого разного рода. Только всегда ли стоит верить сказанному?

– Заплатили, Костя, – рассеянно проговорил человек, который когда-то носил очки. – Только меньше, чем обещали. – Он ухмыльнулся. – А знаешь, что эти клоуны еще учудили?

– Пока нет.

– Объявили награду за парня и дали знать московским командам, что выплатят тут же, до копейки, но только за живого.

– И телефон для связи дали?

– А как же. Даже электронный адрес.

– Идиоты.

– Кто бы спорил.

Костя тоже налил себе чаю, но не в стакан, а в полулитровую термочашку, и заявил:

– Ты бы лучше рассказал, как его вычислил?

– Ну, вообще-то это моя работа.

– А подробней? Мне просто интересно.

– Для начала я поставил себя на его место. – Бывший очкарик опять отпил чаю и вытер полотенцем пот, обильно выступивший на лбу и висках. – Ну и жара, блин!

– Ближе к теме, Толя.

– Запросто, – сказал тот, закурил и выпустил струю дыма в потолок. – Так вот, я поставил себя на место того парня, разумеется, с учетом того, что он не оперативник, а просто... –

Он хотел сказать «мокрушник», но вовремя себя одернул. – Просто специалист узкого профиля.

– И что?

– Уходить из города было поздно. Его запросто могли прихватить. Вот и пришлось ему придумывать что-то этакое, совершенно неожиданное для всех.

– Он придумал. – Костя тоже закурил.

– Точно, – подтвердил его собеседник. – Я бы даже сказал, остроумно. С учетом его квалификации. Он не стал далеко бежать, а просто отпрыгнул чуть в сторону и на некоторое время сбил нас и этих дурней со следа. Я подумал, что парень залег в психушку, завербовался куда-нибудь на Крайний Север либо сел в тюрьму. Тут надо учитывать, что в психушке у него запросто могла по-настоящему поехать крыша. Чтобы сегодня попасть на Крайний Север, нужно быть классным работягой и иметь знакомства. Три варианта минус два. Получается один. – Он опять вытер лицо. – Выходит, что наш парень на зоне. А дальше, сам понимаешь, все было просто и ясно.

– Ну да.

– Я заплатил кому надо и получил доступ к тем бумагам, которые были мне нужны. Сел на задницу и принялся читать. Отшелушил лишнее и получил семерых кандидатов нужного нам возраста, более-менее похожей внешности и без особых примет. Все эти ребята присели в Москве, почти в одно и то же время, ненадолго и за сухую ерунду.

– Что ты сказал заказчику?

– Ничего особенного. Просто снял с него денег и оформил всем пятерым УДО.

– Почему пятерым-то? Их же...

– Ну да, было семеро. Один умер на зоне, второго все-таки сподобились выкупить родственнички и друзья. У твоего парня кто-нибудь есть?

– Никого.

– Четверых после освобождения как следует допросили.

– И что?

– Двое – особо опасные. На общую зону отправились вполне осознанно, чтобы не сесть за куда более серьезные грехи. Один из них действительно оказался тем, за кого себя выдавал. А вот другой... – Последовала пауза. – Ты не поверишь!

– Поверю.

– Оказался самым настоящим шпионом.

– Ух ты.

– Именно так.

– А тот, который утек, получается...

– Совершенно верно, дружище. – Толя кивнул. – Это и есть наш парень.

– И что стало потом с теми четырьмя?

– Тебе это действительно интересно?

– Не особо. – Костя неуловимо быстрым движением поймал муху, жужжащую над ухом, и с размаху приложил ее об

пол. – Я полагаю, что шпиона закатали в асфальт, а остальных отпустили.

– Не совсем так, но где-то близко по смыслу.

– Жестоко.

– Время такое, Костя, – очень даже серьезно проговорил Толя. – Сволочное донельзя. И мы, получается, кругом гады.

– Да уж.

– А теперь к делу. Те двое, которых тебе заказали, трудились в одном министерстве. Один его возглавлял, второй был просто мелким клерком.

– А заказчик, что интересно, это самое министерство и курировал, – подхватил Костя.

– Молодец! – похвалил гостя хозяин дома. – Растешь на глазах.

– Стараюсь.

– Я порыл немного и кое-что любопытное выяснил. Аккурат в то же самое время из закровов Отчизны кое-что пропало.

– Деньги?

– Ответ неверный! – заявил Толя. – Это не деньги, а бабло охренительных размеров!

– Насколько охренительных?

– Настолько, что нормальному человеку хватило бы на тысячу жизней длиной в сто лет каждая, при условии, что он ни в чем бы себе не отказывал. Около пяти миллиардов евро, прикинь!

– Ох ты! – Костю опять прошиб жаркий пот.

– Такие деньжищи ни в один портфель не влезут, сам понимаешь.

– Разве что в товарный вагон.

– Вот то-то и оно. Значит, их и разбросали по разным счетам.

– На том самом носителе, который добыл мой парень...

– Умница! – Толя расплылся в улыбке. – На нем находятся банковские реквизиты, пароли и прочая байда.

– Наши действия? – От волнения у Кости сел голос.

– Ждем, пока спадет жара, и идем на речку купаться, – сказал бывший следователь и рассмеялся. – А потом просто ждем. Парень, я так мыслю, раньше чем через десять дней в Москве не объявится. Так что выше нос, товарищ. Нас ждут великие дела и огромные бабки.

– А как называется речка?

– Ты это к чему?

– Меня случайно не в ней утопили? – любопытствовал бывший полковник ГРУ. – По официальной версии?

Спустя каких-то пять минут

– Слушаю.

– Сидели, трепались. Сейчас собрались на речку. – Человек завистливо вздохнул. – Купаться.

– А вообще?..

– Особо не нервничают, ждут.

– И мы подождем.

Глава 13

Мануально-медицинская

Я забылся тревожным сном к рассвету и продрых без задних ног аж до обеда, который мне никто подавать не собирался. Попытался встать и застонал. Болело все.

За два года мой организм сильно ослаб и совершенно отвык от нагрузок. Расстояние, которое я совсем недавно легко преодолел бы бодрой физкультурной рысью, оказалось слишком серьезным для меня нынешнего. Все-таки зона, пусть даже общего режима и со всеми возможными послаблениями, все равно не курорт. Измученное тело просило, нет, даже требовало оздоровления и отдыха, желательно где-нибудь на побережье и, если можно, за границей. Там комфортнее.

С выездом за пределы обожаемого Отечества у меня имелись проблемы. Во-первых, из документов в наличии была только справка об освобождении из мест не столь отдаленных, а на нее визы почему-то не ставят. Во-вторых, никто меня выпускать отсюда не собирался. Даже наоборот. Люди, обладавшие весьма немалыми возможностями, старались побыстрее добраться до моей скромной особы.

И все равно очень скоро, может, даже сегодня к вечеру, я окажусь в сказочно красивом месте у воды и начну усиленно оздоравливать организм, измученный тяготами и лишения-

ми. Вот только соберусь с силами и встану на ноги.

Я действительно встал, запил остатками чая краюху хлеба с парой кусочков сахарку, поколдовал с компасом над картой и пошел, не вприпрыжку, конечно, но достаточно бодро. Потому что толковый массажист способен на многое. А я в этой области умелец не из последних.

Перерывы в основной работе у нас случались, тянулись по году и более. Поэтому, чтобы не пристраститься от скуки к исконно русскому продукту, я, по совету все того же Михалыча, нашел себе дело по душе. Профессию, о которой никто в моей бывшей конторе не знает. Гарантирую.

Мое основное ремесло – убивать, причем так, чтобы безвременная кончина клиента ни в коем случае не выглядела насильственной. Именно поэтому анатомия и физиология человека для меня вовсе не тайна за семью печатями. Уж поверьте, я кое-что об этом знаю, а еще больше умею.

Вот и не стал я при выборе мирной профессии изобретать велосипед и начинать с азов, взялся за ту, в которой не был полным профаном. Речь идет о медицине. Я проштудировал целую поленицу толстых умных книжек, посещал кое-какие курсы, а напоследок приобрел диплом об окончании медицинского училища, документ солидный, весьма высокого качества. Так я стал фельдшером, скромно скажу, не самым плохим.

Целых пять лет я отработал в известном медицинском центре на Варшавке. Сначала просто массажистом, потом

и мануальщиком. В течение восьми месяцев я стажировался не у кого-нибудь, а у доктора Львова, известного всей Москве. Да-да, я имею в виду того самого Сергея Ивановича, к которому даже очень непростые люди записываются на прием заранее. Месяца за три, если очень повезет.

Не буду хвастаться, что научился всему, но кое-что почерпнул. Уж больно я старался. Настолько, что один раз даже удостоился похвалы.

«Неплохо», – сказал мне тогда доктор Львов.

Такие слова, сами понимаете, стоят дороже любых денег.

Потом я перешел в одно тихое местечко и продолжил трудиться там. По свободному графику, в удобное время и, что самое главное, персонально на себя.

Именно поэтому я совершенно не волновался насчет того, как буду жить за колючкой. Тюрьма – это такая же часть государства, как, к примеру, Госдума или, скажем, армия. Любой человек, имеющий деньги, связи или таланты, полезные для общества, устраивается там очень даже неплохо.

Возможность проявить себя появилась у меня буквально через пару недель после приезда на зону. Двое джентльменов из нашего отряда несколько разошлись во мнениях касательно третьей части сороковой симфонии соль минор Моцарта. В результате возникшей дискуссии у одного из них оказалась вывихнута правая верхняя конечность, а челюсть второго переместилась в район затылка. Лагерный эскулап оказать помощь страждущим не смог, поскольку отсутство-

вал на рабочем месте по весьма уважительной причине. Насколько таковой может считаться третий день привычного недельного запоя.

Я заявил, что смогу помочь. Джентльмены, пострадавшие в ходе разговора о музыке, ничего против не имели.

Я вернул поврежденные части тела на их законные места и уже вечером удостоился аудиенции у смотрящего зоны, тщедушного мужичка средних лет с выправкой прусского гвардейца. Он и ходил-то осторожно, мелкими шажками, как будто постоянно носил на голове кувшин.

– Кто такой? – строго, но справедливо спросил он.

– Фельдшер, – скромно, вполголоса ответил я и потупился.

– Типа знахарь? – Кто-то из челяди вспомнил идиотский телесериал и гнусно заржал.

– Типа массажист, – заявил я. – А еще мануальщик.

– То есть?.. – Смотрящий прищурился.

– У вас проблемы с позвоночником, – так же тихо продолжил я. – Да и не только с ним. Могу помочь.

– Ну давай.

И я дал стране угля. За четыре месяца мой авторитетный пациент поправился на семь кило, еще раньше избавился от многолетних болей и впервые за долгое время смог самостоятельно завязать шнурки своих ботинок.

Потом я поправил спину еще одному персонажу, уважаемому в тех краях, известному в прошлом штангисту.

– Спасибо, Валек! – прогудел тот. – Не дай бог, если вдруг кто когда! – Он продемонстрировал окружающим кулак размером с глобус Курской области.

Так я стал полезен людям и почитаем ими. Тот субъект, который раньше завязывал авторитету шнурки, некоторое время на меня дулся. Но потом я помог ему в битве с фурункулами, и отставной фаворит тоже проникся ко мне лучшими чувствами.

Меня приняли в тамошнее высшее общество, переселили в блатной угол, выделили койку с панцирной сеткой. Мой рацион обогатился продуктами повышенной жирности, проблемы с куревом канули в Лету. Жизнь наладилась.

Не обошел меня вниманием и хозяин зоны, страдающий тем же недугом, что и смотрящий. Моими стараниями двое этих достойных людей сделали, я бы сказал, несколько шагов навстречу друг другу. Смотрящий поднабрал вес, а подполковник за короткое время скинул аж пятнадцать кило и стал стройным как кипарис. Насколько тот может быть таковым при росте метр семьдесят на каблуках и весе сто двадцать килограммов.

Самое интересное состояло в том, что начальник медсанчасти нашего богоугодного заведения ничего против моей частной практики не имел. Напротив, он регулярно посылал за мной, когда приходило время правильно, по всей науке заканчивать запой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.